

УДК 94(5)+323(5)

На правах рукописи

НЛ-35

ЖАРКЫНБАЕВА РОЗА СЕЙДАЛИЕВНА

**Социальная политика новых независимых государств
Центральной Азии: сравнительный анализ**

07.00.03 - Всеобщая история (восточные страны)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Республика Казахстан
Алматы, 2008

Работа выполнена в Казахском национальном университете им. аль-Фараби
на кафедре всемирной истории исторического факультета

Научные консультанты:

доктор исторических наук,
профессор Жумагулов К.Т.,
доктор политических наук,
профессор Бурханов К.Н.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
профессор Искандаров К.И.

доктор исторических наук,
доцент Рубинштейн Е.Б.

доктор исторических наук,
профессор Саттаров Т.С.

Ведущая организация:

Университет «Кайнар»

Защита состоится «19» сентября 2008 г. в 15.00 на заседании
диссертационного совета Д 55.40.03 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора исторических наук при Институте востоковедения
имени Р.Б. Сулейменова МОН РК по адресу: 050010, г. Алматы,
ул. Курмангали, 29

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
востоковедения имени Р.Б. Сулейменова МОН РК по адресу: 050010,
г. Алматы, ул. Курмангали, 29

Уч
дис
дог

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертационная работа посвящена исследованию основных тенденций социального развития в новых независимых государствах Центральной Азии, историческим условиям и сравнительному анализу особенностей формирования и реализации социальной политики в переходный период.

Актуальность исследования. В настоящее время интерес к межстрановому анализу особенностей социально-экономического и политического развития отдельных стран и регионов становится особым объектом исследований по всеобщей истории. Сравнительные исследования становятся все более востребованными в общественных науках, поскольку в последние десятилетия усиливаются тенденции к межгосударственному и межкультурному взаимодействию, наблюдаются корреляционные зависимости между социально-политическими изменениями, одновременно охватывающими несколько стран и несколько регионов.

Несмотря на то, что Центральная Азия – регион древней цивилизации, а народы, проживавшие на этой территории, внесли свой значительный вклад в дальнейшее развитие всего человечества, государства региона в нынешних границах и под современными названиями сравнительно молоды и мало изучены. За последние семнадцать лет в развитии стран региона произошли кардинальные изменения, хотя в историческом плане это и небольшой срок, для стран региона они по своей значимости и насыщенности равнозначны вековым эволюционным изменениям. В новых независимых государствах Центральной Азии – Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, расположенных в центре Евразийского континента, в настоящее время проживает почти 60 миллионов человек [1, с. IV].

Также необходимо признать, что в современной Центральной Азии, несмотря на свой значительный человеческий и природный потенциал, накапливаются серьезные проблемы, и ресурс относительно стабильного развития без проведения продуманных социальных реформ может постепенно исчерпаться. Негативное влияние существующих в государствах региона таких серьезных проблем, как экстремизм, наркобизнес, нелегальная миграция в другие страны вызывает серьезную обеспокоенность всего мирового сообщества и требует скоординированной политики со стороны всех государств региона. Таким образом, в настоящее время многие социальные проблемы национальных государств вышли за рамки узконациональных границ на региональный и глобальный уровень и требуют совместных и адекватных ответов, а для этого необходимо дальнейшее углубление уровня регионального и международного сотрудничества.

В начале XXI века региональная интеграция становится отличительной чертой мирового развития. Многие страны мира объединены в региональные блоки, причем их сила несопоставима с возможностями отдельно взятой страны, при этом будет усиливаться роль социальных аспектов интеграции. В традиционном ежегодном Послании к народу Казахстана 28 февраля 2007 г.

Президент РК Н. Назарбаев поставил задачу укрепления роли и значения республики «...в обеспечении региональной стабильности, развитии экономической интеграции стран Центральной Азии и формировании динамичного рынка в зоне Каспийского и Черного морей» [2].

В начале XXI в. намечился отчетливый поворот государства в сторону социальной политики. На протяжении всего XX в. социальный идеал устанавливало тоталитарное государство и навязывало обществу в качестве государственной идеологии. Поэтому заново осмысленный обществом социальный идеал должен стать теоретической основой новой социальной политики, что придает актуальность исследованию. В этой связи закономерно возрастает потребность, как в осмыслении собственного опыта, так и в творческом обобщении зарубежного опыта.

Цель исследования – выявить исторические условия, тенденции и специфику развития социальной политики новых независимых государств Центральной Азии в 1991-2007 годах.

Задачи исследования:

- на основе систематизации теоретических воззрений выработать целостную концепцию социальной политики, наиболее адекватную для современного уровня развития государств Центральной Азии, базирующуюся на собственном историческом опыте с учетом достижений зарубежных стран;

- уточнить сущность и структуру понятия «социальная политика в переходный период»;

- показать существенное различие в динамике и характере социальных реформ в регионе в исследуемый период;

- определить взаимосвязь / взаимозависимость между демографическими и модернизационными процессами в регионе;

- выявить специфику стратификационных процессов в центрально-азиатском регионе;

- охарактеризовать процесс формирования и развития потенциала гражданского общества Центральной Азии в дальнейшем углублении социальных реформ;

- осветить специфику и значение местных сообществ (*махалля, джамоат, авлод* и др.) Центральной Азии в решении социальных проблем общества;

- показать роль гендерных аспектов социальной политики в новых независимых государствах Центральной Азии;

- определить роль и значение реформ в системе образования центрально-азиатского региона.

Объектом исследования является социальная политика в современной Центральной Азии.

Предметом исследования является процесс становления и развития социальной политики новых независимых государств Центральной Азии, особенности ее функционирования и реализации в обществе.

Методологической основой исследования является диалектическое понимание исторического процесса и возможность его познания применительно к теме диссертации. В ходе исследования были соблюдены

принципы историзма, объективности, плюрализма, которые являются основными мировоззренческими ориентирами при рассмотрении истории социально-политических преобразований. Наряду с известными концепциями истории человечества, представляет также интерес теория П. Сорокина, который в отличие от ученых, развивавших эволюционные теории социальных изменений, разработал теорию циклическую.

Анализ стратификационных процессов в диссертации основывался как на классических теориях социальной стратификации, так и на современных методологических подходах известных ученых. Общетеоретическая разработка проблем социальной стратификации заложена в ставших классическими, влиятельными теоретическими подходами, это – теории социальных «классов» К. Маркса и теории стратификации М. Вебера и П. Сорокина. В современных концепциях социальной стратификации актуализируются исследования, связанные с интегрированностью страты в мировое информационно-технологическое пространство, что соответствует воззрениям концепции информационного общества Э. Тоффлера, постиндустриального общества Д. Белла, постэкономического общества В. Иноземцева [3].

Социально-политические процессы могут представлять научный интерес в самых разнообразных аспектах, что открывает перед учеными широкие возможности в выборе методологии и методов исследования, принципов построения гипотез и теорий. В данном диссертационном исследовании были выбраны следующие методологические подходы: институциональный и неинституциональный, структурно-функциональный и сравнительный (компаративный) подходы.

Хронологические рамки исследования охватывают 1991-2007 годы, т.е. период становления и развития новых независимых государств Центральной Азии. Изучение в полном объеме состояния современных социально-политических реалий республик объясняет необходимость выхода за указанные хронологические рамки.

Степень научной разработанности проблемы. Различные аспекты социально-экономического и политического развития стран региона являются предметом пристального внимания зарубежных и отечественных ученых. Историография темы диссертации сформирована по страновому и проблемно-хронологическому принципам.

Казахстанская историография. За годы независимости в Республике Казахстан появились исследования по различным проблемам всемирной истории, таких ученых как Б. Ирмуханов, К. Кожаметов, М. Абусейтова, К. Хафизова, Е. Рубинштейн, С. Барлыбаева. Отмечая приоритетные направления исследований всемирной истории, К. Жумагулов подчеркивает необходимость изучения прошлого и настоящего различных регионов земного шара, прослеживая взаимосвязь народов, государств, эпох, культур в глобальном всемирно-историческом процессе, начиная с древности, средних веков и вплоть до наших дней [4].

В казахстанских научных кругах интерес к социально-политическим преобразованиям, происходившим в постсоветской Центральной Азии, был

всегда достаточно высок. Анализ современных модернизационных процессов и роли государства в контексте социально-политической трансформации республики Казахстан проводится в работах Б. Ирмуханова, А. Бижанова, И. Тасмагамбетова, М. Машана, С. Баймагамбетова [5]. Характерной особенностью данной группы работ является то, что при изучении механизмов и технологий реализации социальной политики в контексте либерально-демократических преобразований отмечается то, что не критический подход к значению западного опыта без учета специфики постсоветского периода, ментальности и традиций народа не может быть эффективным. Проблемы и перспективы региональной безопасности и интеграции исследуют ряд казахстанских специалистов (У. Касенов, С. Примбетов, С. Кушкумбаев, А. Косиченко, М. Ашимбаев, Б. Султанов).

Представляют большую историографическую ценность труды казахстанских ученых, посвященные анализу зарубежного центральноазиатского. Одними из первых работ, посвященных зарубежной историографии истории Казахстана являются научные труды К. Есмагамбетова. В работах Г. Бырбаевой, Р. Таштемхановой, М. Лаумулина проводится анализ зарубежной историографии о Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 2005 г.). Большой вклад в изучение социально-демографических и миграционных процессов в Казахстане внесли казахстанские ученые Н. Алексеенко, М. Асылбеков, А. Галиев, М. Татимов, А. Алексеенко, А. Забирова. Вопросы исторического процесса возникновения и современного состояния казахской диаспоры изучаются Г. Мендикуловой [6].

Современная политическая история нашего государства находит свое освещение в работах К. Бурханова, Б. Султанова, Б. Аягана, А. Арыстанбековой. Среди трудов казахстанских ученых, посвященных исследованию государств Центральной Азии, необходимо отметить и работы сотрудников факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби Ж. Ибрашева, К. Байзаковой, Ф. Кукеевой, М. Губайдуллиной, К. Макашевой, И. Черных. В исследовании особенностей социально-политической модернизации стран региона представляют интерес тематические публикации и материалы конференций Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан и Центрально-азиатского фонда развития демократии. Большой вклад в изучение гендерных аспектов социальной политики в Казахстане внесли К. Габдулина, Г. Хасанова, Р. Сарсембаева и др.

Кыргызстанская историография. В центре внимания кыргызстанских ученых находятся вопросы, связанные с анализом социально-экономических и политических реалий Кыргызстана, места и роли Кыргызстана в рамках постсоветской Центральной Азии. Проблемами исследования специфики дальнейшего развития постсоветской Центральной Азии и социально-экономическими аспектами безопасности Кыргызстана занимаются Т. Койчуев, Н. Омаров, А. Элебаева, М. Пухона, К. Исаев, А. Аламанов, А. Алдашов. Социально-политическому анализу развития Кыргызстана, в частности

партийному строительству, особенностям формирования и развития гражданского общества посвящены исследования З. Курманова, М. Карыбаевой, Б. Байматова [7], Д. Джунушалиева, В. Плоских [8]. Влияние экономических и социальных факторов на положение женщин Кыргызской Республики рассматривается в работах Э. Шукурова, Л. Сыдыковой, С. Осауленко, Б. Тугельбаевой, Т. Исакуновой, А. Табышалиевой [9].

Узбекистанская историография. Среди узбекистанских исследователей, занимающихся изучением различных аспектов социально-политической трансформации общества, необходимо отметить работы Н. Тухлиева, А. Таксанова. Реформирование системы здравоохранения, образования, рынка труда и состояние социальной сферы рассмотрены в работе С. Гулямова, Р. Убайдуллаевой, Э. Ахмедова. Десятилетие рыночных реформ в государстве посвящено исследование Академии наук Республики Узбекистан, в котором главное внимание уделяется социальной политике и развитию системы социальных гарантий. Значение традиционных сообществ в истории современного Узбекистана рассматриваются З. Арифхановой [10]. Демографические и градостроительные аспекты развития Узбекистана изучают Л. Максакова, Р. Муртазина, А. Салиев, М. Буриева [11].

В последнее время появились исследования, посвященные геополитическим и интеграционным аспектам развития новых независимых государств Центральной Азии, среди них можно отметить работы А. Таксанова, Б. Мусаева, Ф. Толипова, Р. Алимова [12]. Модернизационные процессы в Центральной Азии изучаются К. Алимовым, Б. Эргашевым. Представляет интерес сборник статей, подготовленный Институтом стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан, посвященный особенностям формирования гражданского общества в республике [13]. Вопросами партийного строительства занимаются К. Раббимов, А. Саидмуратов, Б. Фахритдинов. Изучению реисламизации общества и положению женщин в Узбекистане посвящена работа М. Тохтаходжаевой [14], в которой выявлены политические, социально-экономические, культурные и психологические причины, способствовавшие отставанию страны и усилению традиционализма и религиозности. М. Эрагшева акцентирует внимание на конкретной защите прав женщин и общему анализу положения женщин Узбекистана в переходный период [15].

Таджикистанская историография. Особенности социальной политики советского государства в Таджикистане нашло свое отражение в фундаментальном исследовании «История таджикского народа». Специфика социального развития Республики Таджикистан в составе СССР и СНГ, особенности демографического развития, социальной структуры населения исследуются учеными Д. Тагаевым и Н. Аитовым [16]. Важное место в таджикистанской историографии занимало исследование различных аспектов политической и социально-экономической трансформации. Среди данных работ можно выделить работы Х. Умарова, А. Ниязи, А. Турсунзода, З. Дадабаевой, З. Хайдарова, У. Окимбекова, А. Беляевой, А. Джаббарова [17]. Вопросами развития внутривнутриполитических процессов, строительства

гражданского общества занимаются А. Саттарзода, Р. Абдулло, К. Ассадуллаев, Ш. Каримов [18]. Анализу социально-политических преобразований и миграционных процессов в современном Таджикистане посвящены работы М. Хайдарова, М. Олимова, С. Олимовой [19-20].

Туркменистанская историография. Большинство работ туркменистанских ученых начала 1990-х годов были посвящены истории и этнографии советских и зарубежных туркмен. Представляет интерес историко-демографический обзор «Туркмены мира», подготовленный М. Дурдыевым и Ш. Кадыровым. Основные проблемы формирования многолетней туркменской семьи, условия ее жизни, новые тенденции в репродуктивном поведении, урбанизационные процессы, а также изучение политических, этнокультурных и демографических факторов смены элит в Туркменистане рассматриваются в работах Ш. Кадырова [21]. Материальное благосостояние и культурный уровень сельского населения Туркменистана в советский период исследуются А. Атаклычевой. История туркменской сельской общины в XIX-XX вв., выполнявшей основные функции государства, освещается в работе Ч. Язлыева [22]. Среди туркменистанских исследований, посвященных проблемам социально-экономических и политических преобразований после обретения независимости, необходимо отметить работы А. Иолиева, Н. Сапарова, М. Бердыева.

Российская историография. В российских научных кругах интерес к проблемам социально-экономического и политического развития стран региона никогда не угасал. Российская историография начала 1990-х годов представлена работами известных российских востоковедов: А. Панарина, Л. Васильева, В. Бушкова [23-24]. Роль и значение ислама в Центральной Азии, как важного фактора с точки зрения угрозы безопасности и источника нестабильности в регионе исследует А. Малащенко [25]. Вызывают интерес результаты комплексного исследования российских ученых, посвященного этнорелигиозным аспектам современного терроризма и его особенностям.

В конце 1990-х годов вышел в свет сборник статей Российской Академии наук, посвященный «потерям и обретениям» постсоветской Центральной Азии. Представляет большой интерес работа востоковеда С. Демидова, проливающая свет на процессы, происходившие в постсоветском Туркменистане. Основное внимание автор уделяет духовной, гуманитарной сфере: культуре, образованию, народным традициям [26]. Современное социально-политическое положение Туркменистана исследуют С. Каменев, А. Дубнов, А. Куртов [27].

Попытка проведения сравнительного анализа социально-экономического и политического развития в отдельных центральноазиатских государствах встречается в работах Д. Малышевой, С. Жукова. Особенности узбекистанской модели регулирования социальной сферы находятся в центре внимания заведующего отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ А. Грозина, политические и экономические аспекты модернизации в Узбекистане рассматривает С. Бирюков. Проблемами обеспечения социально-экономической стабильности Ферганской долины занимаются С. Лунев, А. Данков. Представляет интерес исследование российских ученых,

посвященное комплексному, междисциплинарному анализу процессов общественно-политического и культурного развития Кыргызской Республики с древнейших времен по настоящее время [28].

Можно отметить то, что практически во всех государствах региона традиция научного обоснования социально-политических процессов не прерывалась, однако в большинстве своем эти работы посвящены только некоторым аспектам, фрагментам социально-политического развития в отдельно взятых странах. Также необходимо отметить то, что многие проблемы социально-экономического развития постсоветских государств не получают должного научного анализа и освещения, что напрямую связано со степенью демократизации, открытости государств региона. Часть публикаций носит ситуативный (и зачастую ангажированный) характер, и вопрос о научной достоверности некоторых данных остается открытым.

Западная историография. Большинство западных исследований 1990-х годов были посвящены вопросам безопасности в Центральной Азии, геополитическим аспектам развития региона. В этом плане представляют определенный интерес работы З.Бжезинского. В своей известной работе «Великая шахматная доска» автор анализирует геополитическую ситуацию текущего десятилетия в мире, и особенно на Евразийском континенте [29].

Одним из наиболее известных американских экспертов, занимающихся проблемами Центральной Азии, является М.Олкотт. В книге «Казахстан: непройденный путь» анализируются политические, экономические и социальные проблемы Казахстана, в частности демографические изменения, вопросы занятости и уровня жизни, образования и здравоохранения [30]. Особенный интерес представляет одна из последних работ М.Олкотт «Второй шанс для Центральной Азии» [31], в которой дается яркая характеристика социально-экономическому и политическому положению государств Центральной Азии после событий 11 сентября 2001 года.

Социально-экономическим проблемам русского населения в период независимости, ситуации в сфере образования и деятельности русских организаций в современном Казахстане посвящена работа французских ученых М.Ларюэль и С.Пейруза [32]. Авторами была предпринята попытка дать непредвзятый анализ социально-политической ситуации в Казахстане, но некоторые выводы, ввиду ограниченности эмпирического материала, являются поспешными.

Поворотным пунктом в изучении межстрановых исследований социально-политической проблематики в западных странах стали работы шведского ученого Г.Эспинг-Андерсена. В работе «Три мира капитализма благосостояния» [33], опубликованной в 1990 г., был реализован новый подход к пониманию и исследованию социальной политики, переход от количественных подходов к исследованию социальной политики к качественным.

Ряд зарубежных ученых исследовали уровень жизни в Таджикистане на рубеже XX-XXI вв., проводили сравнительный анализ национальных стратегий сокращения бедности в центральноазиатских странах. Представляют интерес

работы М. Пейна о местных сообществах, как основах социальной политики и социального действия, Р. Пантема и Д. Метьюз о роли и значении гражданского общества и гражданских традиций в решении социальных проблем общества [34]. Представляют определенный интерес зарубежные издания, посвященные гендерной проблематике, в которых рассматриваются теоретические и исторические аспекты гендера, роль государства в конструкции гендера [35], а также освещены права женщины в системе международной организации – ООН и особенности гендерной политики в различных государствах мира [36].

Проведенный в исследовании историографический обзор работ отечественных и зарубежных ученых, так или иначе затрагивающих проблематику данного исследования, позволяет сделать вывод о том, что накоплен значительный фактографический и аналитический материал для проведения сравнительно-исторических исследований. Тем не менее, необходимо отметить отсутствие в исторической науке обобщающих исследований, посвященных комплексному анализу социального развития государств региона, сравнительному анализу стратегий в социальной сфере, и перспектив ее развития.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые в исторической науке проведено комплексное изучение социально-политического развития и особенностей социального реформирования в государствах Центральной Азии. Научная новизна проявляется в анализе следующих вопросов:

- обоснована необходимость новых подходов к формированию социальной политики государства с учетом цивилизационных, демографических, миграционных и гендерных факторов;
- раскрыты исторические аспекты генезиса социальной политики во всемирной истории, ее сущность, характер и направленность, выявлены основные этапы и тенденции социального развития в государствах региона;
- показаны существенные различия в динамике и характере социальных реформ в Центральной Азии;
- определено, что региональные особенности демографического развития обусловлены в большинстве своем историческими и культурными факторами и влиянием модернизационных процессов;
- показаны роль информационного расслоения и роль феномена «власти-собственности» в стратификационных процессах в государствах Центральной Азии;
- изучены роль и значение гражданского общества в решении социальных проблем общества;
- рассмотрены особенности и роль местных сообществ Центральной Азии в решении социальных проблем общества;
- изучены история возникновения гендерных исследований и формирование сбалансированной гендерной политики в Центральной Азии как составной части социальной политики государства;

- показаны основные тенденции развития и приоритетные направления социальной политики в контексте социального государства в государствах Центральной Азии.

Источники исследования. Для достижения поставленных в диссертационной работе задач был привлечен широкий круг источников:

В первую группу источников включены архивные материалы, отложившиеся в Архиве Президента Республики Казахстан (АП РК) и в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК). В Архиве Президента Республики Казахстан были проанализированы документы фондов ЦК КП Казахстана (ф. 708) [37-38] и Президента Казахской ССР (ф. 7) [39-42]. В Центральном Государственном архиве Республики Казахстан были изучены фонды Министерства высшего и среднего образования Каз. ССР (ф. 1982), Министерства здравоохранения Каз. ССР (ф. 1693) и Государственного комитета Совмина по использованию трудовых ресурсов (ф.1987) [43].

Во вторую группу источников входят законодательные и нормативные документы государств Центральной Азии: конституции [44-45], законы, указы президентов, имеющие силу закона [46]. В конституциях государств Центральной Азии излагаются принципы государственного устройства и управления, главные положения, определяющие социальную политику государства и основы обеспечения социальной безопасности государств. Ряд законов, принимаемых государствами Центральной Азии, регламентируют те или иные сферы социального развития.

В третью группу источников вошли государственные документы программного и доктринального характера, перспективные программы правительств, стратегии устойчивого развития и гендерного равенства [47], концепции развития системы образования и социальной защиты населения [48], в этих документах определяются приоритетные направления социальной политики государств региона.

В четвертую группу источников вошли произведения лидеров государств Центральной Азии: Н. Назарбаева, С. Ниязова, А. Ахаева, И. Каримова [49]. В эту же группу источников вошли выступления, заявления, интервью государственных и политических деятелей Центральной Азии, а также государственные стратегии развития, которые озвучиваются президентами стран в рамках ежегодных выступлений перед парламентами [50].

В пятую группу источников включены материалы статистических ведомств СССР и новых независимых государств региона, которые условно можно разделить на две подгруппы, охватывающие советский [51-56] и постсоветский периоды истории [57-58]. Для изучения социального развития стран Центральной Азии большой интерес представляют статистические сборники, издаваемые Межгосударственным статистическим комитетом СНГ [59] и сборники, посвященные гендерным различиям в развитии стран [60-61].

Шестая группа источников представлена программами политических партий и движений стран Центральной Азии, которые позволяют сформировать представление о направленности их идеологических установок в вопросах формирования социальной политики.

В седьмую группу источников вошли страновые [62-64], региональные, глобальные отчеты [65] Программы развития ООН (ПРООН) по человеческому развитию. Представляют ценность страновые исследования социальных индикаторов, характеризующих уровень жизни населения стран региона [66].

В виду того, что рассматриваемые процессы не завершены, а также в силу неразвитости научного сотрудничества большинства стран региона, в некоторых случаях роль первоисточника оперативной информации играла пресса [67], которая составила восьмую группу источников.

В качестве дополнительных источников информации использованы отчеты о деятельности неправительственных организаций [68-69], аналитические материалы, посвященные миграционным процессам [70-71], а также региональные исследования Всемирного Банка, Международного бюро труда [72], и Азиатского банка развития [73].

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется необходимостью глубокого переосмысления исторических, теоретических и практических аспектов перехода от командно-административной системы к рыночной, становления гражданского общества и гендерной политики с учетом достижений современной социально-политической мысли. Основные положения и выводы диссертационного исследования представляют интерес для широкого круга специалистов: историков, регионоведов, политологов, социологов, философов. Материалы диссертационной работы, основные ее положения и выводы могут быть использованы при выработке целостной концепции социального развития страны, при разработке стратегических программ развития гражданского общества в Казахстане. Результаты исследования могут служить базой для дальнейших исследований этой проблемы, представляют интерес для специалистов, занимающихся изучением социальной политики стран Центральной Азии в переходный период.

Положения, выносимые на защиту:

1) Для новых независимых государств Центральной Азии с гипертрофированной ролью государства как основного субъекта социальной политики представляются неприемлемыми характерные для либеральной модели минимизация государственного вмешательства в социальную сферу и возложение максимума ответственности за свое благополучие на самих граждан.

2) В динамике и характере социальных реформ в новых независимых государствах Центральной Азии наблюдаются существенные различия: на одном полюсе (более быстрый переход) – Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, на другом – Узбекистан и Туркменистан (постепенный переход).

3) В демографическом поведении народов Центральной Азии происходят значительные изменения, хотя традиционным восточным сообществам всегда была присуща своя этико-психологическая специфика – престиж многодетности, под влиянием модернизационных процессов происходит ориентация на малодетность, которая является характерной чертой современной урбанистической цивилизации, причем решающим фактором снижения рождаемости являются не только социально-экономические факторы, а

степень приверженности культурным, национальным и религиозным традициям.

4) Наряду с традиционными значительными диспропорциями в социальном развитии (различия между богатыми и бедными, мужчинами и женщинами, городом и селом, различными регионами) в государствах региона наблюдается процесс «информационного расслоения» общества, приводящий к проблеме так называемого цифрового неравенства, и процесс слияния власти и собственности, берущий свое начало с конца 1980-х годов.

5) Отношение к бедности в странах региона излишне политизировано, а ключевым условием борьбы с бедностью, безработицей, сокращением масштабов маргинализации является микрофинансирование, которое выглядит более рациональным проектом, кредит – это не только финансовый механизм, но и механизм психологический, помогающий населению быстрее адаптироваться к новым правилам игры рыночной экономики.

6) Социально-политическая трансформация вынуждает государства Центральной Азии ограничить ряд своих социальных функций в пользу институтов гражданского общества.

7) Помимо юридически зарегистрированных неправительственных организаций, специфически местные, исторически сложившиеся общинные саморегулирующиеся организации (*махалля, джамоат, авлод* и др.) являются важным социальным институтом в деле решения социальных задач, но чтобы соответствовать стандартам систем местного самоуправления, существующим в развитых демократических государствах, они должны модернизироваться.

8) Культурный вклад женщин как субъектов истории, женское видение мира, специфический женский опыт – малоизвестные страницы истории, и, несмотря на ратификацию государствами Центральной Азии всевозможных деклараций о правах женщины, все еще сохраняются значительные диспропорции не только в политическом представительстве, но и в социально-экономической жизни, существует профессиональная сегрегация, которая сопровождается вытеснением женщин в низкооплачиваемые, незаметные и нестабильные сегменты экономики.

9) Если в начале переходного периода в странах региона наблюдался так называемый «образовательный дестимулятор», то по мере дальнейшего социально-экономического развития образование становится необходимым элементом «включения» в общество, инструментом социальной самозащиты.

Апробация результатов исследования. Основные результаты и выводы диссертации изложены в научных публикациях автора, докладывались с 2001 г. в 17 международных и республиканских конференциях и «круглых столах»: «Сильная социальная политика и развитие человеческого фактора в переходный период» (Ташкент, 2003 г.), «Октябрьская революция в истории и судьбах кыргызского народа» (Бишкек, 2007 г.); в Летних университетах: «Философия образования и ее роль в формировании гуманитарного типа знания» (Сорос-Казахстан, июль 2002 г.), «Введение учебного курса «человеческое развитие» в университетах Казахстана» (ПРООН, июль 2004 г.) и Второй Летней школы по социальной работе «Навыки консультирования и

коммуникации» (Детский Фонд ООН, Волонтерская Служба за рубежом, Национальный научно-практический центр Коррекционной педагогики, июль 2005 г.).

Основные результаты и выводы диссертации обсуждались на заседании кафедры всемирной истории КазНУ им. аль-Фараби и отдела комплексных проблем международных отношений Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК. Ряд положений диссертационной работы были апробированы автором на зимней научной сессии, проводимой в рамках заседаний научно-технического Совета КазНУ имени аль-Фараби 9 февраля 2006 г., а также в процессе преподавания общих и специальных курсов на историческом факультете КазНУ им. аль-Фараби.

Публикации результатов исследования. Основные положения, результаты, выводы и заключение изложены соискателем на русском, казахском и английском языках в 42 научных статьях, опубликованных в научных изданиях и сборниках республики и за рубежом.

Структура диссертации обусловлена логикой достижения поставленной цели и задач и состоит из введения, пяти разделов, заключения, списка использованных источников и приложений.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Выбор направления исследования обусловлен необходимостью объективного изучения социального развития новых независимых государств Центральной Азии.

Во введении обосновывается актуальность, показывается степень изученности проблемы, формулируется цель и определяются задачи исследования, показывается научная новизна и практическая значимость работы, обозначены методологическая и теоретическая основа исследования, охарактеризована источниковедческая база работы.

В первом разделе **«Исторические и теоретико-методологические основы социальной политики государства»** рассматриваются генезис и теоретико-методологические основы социальной политики, исторические предпосылки социального государства, социальная политика советского государства и ее особенности в республиках Средней Азии и в Казахстане.

В диссертационной работе проанализированы различные научные подходы и трактовки, при помощи которых исследуется социальная политика. Понятие «социальная политика» по своей этимологии является междисциплинарной категорией, объектом исследования со стороны представителей многих социальных наук. Наряду с экономическим, социологическим, политологическим, философским подходом к изучению социальной политики, обосновывается важность исторического подхода. Исторический подход способствует историческому конструированию прошлой социальной реальности, углубленному изучению исторических предпосылок возникновения социального государства и социальной политики, в конкретных временных и пространственных рамках, объясняющего роль и значение

социальной политики в стабильном социально-экономическом развитии отдельных стран, регионов и мира в целом, а также историю развития научных взглядов на социальную политику. Вместе с тем, отмечается и ценность междисциплинарного подхода в изучении социальной политики, который применяется в исторической науке достаточно давно.

Не претендуя на полноту и завершенность своей дефиниции, мы в качестве рабочего понятия «социальная политика» предлагаем следующее. Социальная политика – это сложный системный объект, означающий важнейшее направление деятельности государства – государственную социальную доктрину, определяющую пути дальнейшего развития общества, систему конкретных мер в области образования, здравоохранения, демографии и других отраслей социальной сферы, направление деятельности неправительственных организаций и бизнеса, область научных исследований, и учебная дисциплина, которая преподается для многих специальностей.

Социальную политику общественные науки стали систематически исследовать во второй половине XX в., и вплоть до конца 1990-х годов наиболее значимым критерием, на основе которого проводились сравнения и строились типологии социальной политики, считался уровень социальных расходов, измерявшийся долей тех или иных расходов в валовом внутреннем продукте (ВВП) исследуемых государств. На результатах анализа соответствующих показателей базировались многочисленные международные сопоставления, проводился анализ эволюции социальной политики в конкретных странах.

К числу исследований такого типа относятся и разработки ПРООН со сводным показателем для оценки государств, как Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Объединяя в себе несколько социальных показателей, ИРЧП может служить полезным статистическим инструментом для сравнения уровней развития различных стран. ИРЧП состоит из трех ключевых компонентов: продолжительность жизни, развитие образования и уровень жизни. Хотя ИРЧП и является средней арифметической величиной, и не является адекватным отражением реального жизненного уровня, тем не менее, он позволяет странам и их правительствам оценивать характер социального развития.

Таблица 1 – Показатели человеческого развития в Центральной Азии

Государства	Рейтинг страны по ИРЧП									
	1994	1995	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Казахстан	93	93	76	73	75	79	76	78	80	79
Узбекистан	100	104	92	106	99	95	101	107	111	113
Кыргызстан	107	109	97	98	92	102	102	110	109	110
Туркменистан	85	103	96	100	83	87	87	86	97	105
Таджикистан	115	118	108	110	103	112	113	116	122	122

Таблица составлена по данным докладов о развитии человека ПРООН за 1997-2006 гг.

Из таблицы 1 видно, что начиная с 1995 г. Казахстан преодолевает трудности переходного периода и с 1997 г. значительно опережает остальные государства региона.

Поскольку социальная политика – сложный процесс и многогранное явление, мы не можем по одному или двум показателям и критериям, пусть даже и очень существенным (к примеру, расходы на образование и здравоохранение, уровень заработной платы или безработицы), давать исчерпывающую оценку ее состоянию. Для адекватного отражения состояния социальной политики в странах региона необходимо учесть реальное положение во всех сферах социально-политической жизни государства.

Тип социальной политики, потенциал социальных программ зависит также от доминирующих в той или иной стране идеологических приоритетов и от политического содержания практически проводимых социально-политических программ, т. е. социального идеала. Главным водоразделом является вопрос о социальных целях вмешательства государства и традиционно ассоциированных с ними традиций социально-политической мысли: либеральной, консервативной и социал-демократической.

В диссертации на основе исследования идей видных теоретиков социально-политической мысли: либеральной (Дж. Локк, Д.С. Милль, Л. фон Мизес, М. Крозье, Ф.А. Хайек), консервативной (Эд. Берк, Ж. де Местр) и социал-демократической (Э. Бернштейн, К. Каутский) выделяются ценностные установки этих течений и возможные ориентиры для дальнейшего социально-политического реформирования государств региона.

В соответствии с вышеупомянутыми идеологиями Г. Эспинг-Андерсен выделяет три типа государства благосостояния. Первый – либеральный, главным является следование логике рынка, государственное регулирование социальной сферы ограничено. Второй тип – консервативно-корпоративистский, при котором наряду с ограниченным государственным регулированием социальной сферы сохраняются взаимосвязь классовых и статусных различий в реализации социальных прав. Третий тип – социал-демократический, характеризующийся тем, что система государства благосостояния выступает важнейшим инструментом реализации социальных прав граждан [33, р.26-33]. По мнению ученого социал-демократический тип предполагает политическое доминирование широкой и стабильной коалиции, которая бы опиралась на организованные массы, отдающие приоритет общей солидарности перед классовыми, местными интересами [33, р.68].

Рассматривая традиционные политические доктрины можно прийти к выводу о том, что происходит определенная эволюция в сторону их сближения, проявляющаяся в последние годы в том, что даже социальные программы конкурирующих партий по многим аспектам стали практически очень сходными. Для большинства политических партий Центральной Азии характерно то, что они позиционируют себя как партии всего народа, социальная база их достаточно размыта и поэтому довольно сложно в условиях невнятной выраженности политических предпочтений в партийных программах

классифицировать их в рамках либеральной, консервативной и социал-демократической идеологии.

Для нынешней ситуации в Центральной Азии чрезмерное увлечение радикальным реформированием может стать губительным, это может вывести реформы за пределы поступательного развития и придать им разрушительный и необратимый характер. Чрезмерное обнищание масс, социально-политическая нестабильность в регионе могут привести к росту консервативных тенденций в общественной жизни, к росту фундаментализма, ретрадиционализма и к призывам возвратиться в ясную и понятную перспективу построения исламского общества социальной справедливости.

Современный тип социального государства сформировался непосредственно после окончания второй мировой войны, и связывается с германским «чудом» восстановления экономики в послевоенные годы. В настоящее время многие государства мира объявили себя в основных законах социальными государствами, не являясь исключением и государства Центральной Азии. В конституциях республик Казахстан [44, с.3] и Таджикистан [45, с.297] государство напрямую названо социальным. В конституциях остальных стран региона зафиксированы такие принципы как «ответственность государственных органов перед народом и осуществление ими своих полномочий в интересах народа» (Конституция Республики Кыргызстан, ст. 7) [45, с.319], «обеспечить достойную жизнь гражданам Республики» (преамбула Конституции Республики Узбекистан) [45, с.338], «государство ответственно перед гражданином и обеспечивает создание условий для свободного развития личности, защищает жизнь, честь, достоинство и свободу, личную неприкосновенность, естественные и неотчуждаемые права гражданина» (Конституция Республики Туркменистан, ст.3) [45, с.319].

Провозглашение этих принципов подразумевает проведение такой социальной политики, которая создавала для всех членов общества равные возможности, обеспечивая для каждого достойный, в современном понимании, уровень жизни, с соответствующими гарантиями в случаях безработицы, болезни, старости, инвалидности, потери кормильца и пр. Если исходить из этих критериев не каждое государство, в том числе и Казахстан, можно отнести к социальному в полном смысле этого слова. Поэтому в литературе эту норму называют «нормой-целью», справедливо полагая, что провозглашение социального государства – не ностальгия по советскому прошлому, не констатация факта, и не реальный результат, а перспективная цель движения.

Модель социального государства для государств региона привлекательна в том плане, что наиболее близка историческому опыту государственного устройства и менталитету общества, поскольку в сознании людей слишком сильно укоренилась мысль о роли сильного государства. Опыт многих европейских социальных государств показывает, что они следуют такому распорядку: «да – рыночной экономике, нет – рыночному обществу», т. е. не полагаясь во всем на стихию рынка, они не уходят из экономической и социальной жизни страны. Для народов Центральной Азии издревле присуща

определенная этика, культура по отношению к слабым и немощным, которую необходимо сохранить.

Государство, сохраняя свою экономику социально ориентированной, поддерживая разумный баланс интересов в обществе, может обеспечить своим гражданам приемлемый уровень жизни и стабильность для всех членов общества. Учитывая высокие темпы роста экономики, сегодня Казахстан в состоянии эффективнее, чем прежде, решать такие социальные вопросы, как медицинское обслуживание и образование, масштабное жилищное строительство, увеличение размера заработной платы и социальных выплат.

Рассматривая историю социального развития Средней Азии и Казахстана в составе СССР необходимо отметить, что крупным завоеванием социалистической социальной политики справедливо считались изменения в образовательном уровне населения. Централизованная политика в области образования, единство школьных программ, интегрированная система высшего образования, позволявшая студентам учиться в любой части Советского Союза, а также широко разветвленная сеть исследовательских центров были отличительными чертами советской системы образования. Однако качество образования, медицинского обслуживания в центре, т. е. европейской части и в больших городах существенно отличалось от качества соответствующих услуг в среднеазиатской части и сельской местности. Дополнительные трудности были обусловлены теневыми отношениями, существовавшими в сфере здравоохранения и образования.

Каждой исторической эпохе присущи свои социальные мифы, к примеру, миф об отсутствии бедности в советский период истории, которая официально не признавалась, но были так называемые малообеспеченные. Казахстан согласно оценкам, сделанным на основе обследований бюджетов, был в 1989 г. наименее бедной республикой центральноазиатского региона бывшего Советского Союза: только 15% населения республики имело доход ниже «социально приемлемого уровня». В республиках Средней Азии значение этого показателя находилось в пределах от 33 до 52% [74, с.10].

Но острота проблемы сглаживалась выплатами, разного рода социальными льготами из общественных фондов потребления (ОФП), а также низкими ставками квартирной платы и тарифов на общественном транспорте. В целом, выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления (миллионов рублей) в 1970 г. по республикам составляли: в Туркменистане – 424,3 [51, с.130], в Узбекистане – 2231,0 [52, с.217], в Таджикистане – 523,4 [53, с.178], в Кыргызстане – 609,9 руб. [54, с.171], в Казахстане – 3283,4 [55, с.217].

Как отметил Н. Назарбаев на встрече руководителей республик Средней Азии и Казахстана в г. Алма-Ате 22-23 июня 1990 г.: «Средняя Азия и Казахстан характеризуются сырьевой направленностью в экономике со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Серьезно отстает социальное развитие, по потреблению социальных благ и услуг мы оказались на последних местах по стране. Достаточно сказать, что средний размер используемого национального дохода на душу населения составляет лишь 1450

рублей, или 57 процентов от среднесоюзного уровня. Большую тревогу вызывает состояние экологии, здравоохранение, особенно детская смертность, невысокая продолжительность жизни населения, а также неудовлетворительное продовольственное снабжение населения» [41].

Характерной особенностью развития центральноазиатских республик было то, что темпы экономического роста не поспевали за ростом населения, а социальное развитие хронически отставало от принятых стандартов. Налицо были огромные региональные различия в степени реализации важнейших социальных прав, которые сложились к тому времени между различными регионами страны. Особенно тяжелая ситуация в Казахстане и Средней Азии складывалась в сфере охраны материнства и детства. В секретном приложении к Постановлению ЦК Коммунистической партии Казахстана от 23 февраля 1988 г. отмечается, что в ряде родильных домов, отделений больниц не созданы условия для лечения и выхаживания детей и матерей, не соблюдаются правила противоэпидемического режима, вследствие чего имели место вспышки инфекционных заболеваний среди новорожденных. Около половины родильных отделений центральных районных больниц республики не имеют водопровода, канализации и находятся в антисанитарном состоянии. Остается высокой в республике заболеваемость беременных женщин анемией (65 из 1000 родов), высок уровень материнской смертности. По статистическим данным в 1987 г. возросла детская смертность до 29,3 на 1000 родившихся детей, при союзном показателе 25,0 [37].

Негативное влияние монокультуры хлопка сказывалось на развитии системы образования всей Средней Азии и южных хлопкосеющих районов Казахстана. По данным Министерства просвещения Каз. ССР с отрывом от учебных занятий использовались на уборке хлопка учащиеся всех восьмилетних и средних школ Сарыагачского, Келесского, Кировского, Чардаринского, Джетысайского, Пахтааральского районов Чимкентской области. Рабочий день учащихся продолжался 10 часов. На полевых станах отмечались крайне неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия. На полевых станах средней школы им. Панфилова Сарыагачского района, средней школы им. Кирова Келесского района дети спали на полу. Оплата труда учащихся производилась с нарушениями инструкции об оплате труда учащихся [38]. Высокая заболеваемость и детская смертность, низкое качество образования – вот цена, которую среднеазиатские республики и Казахстан платили за навязанную центром хлопковую экспансию. В результате по основным социально-экономическим показателям многие государства региона оказались к началу 1990-х годов на последних местах по Союзу.

Во втором разделе «Трансформация социальной политики стран Центральной Азии в переходный период» анализируются особенности социального реформирования, характер, специфика демографических и стратификационных процессов а также уровень жизни в новых независимых государствах Центральной Азии в контексте модернизации.

Модернизация в государствах Центральной Азии имеет общие черты, хотя каждое государство модернизировалось по-своему и каждое получило свой,

отличный от других, результат, при этом для всех государств региона уровень потребления развитых государств остается критерием современного социально-экономического развития. В странах Центральной Азии прошли проверку, как западные модели рыночной экономики, так и модели государственного регулирования социально-экономической сферы.

Под влиянием кризиса социальные программы в начале переходного периода в центральноазиатских республиках подверглись существенному сокращению, что привело к массовому обнищанию масс, маргинализации части населения, что в условиях высокой рождаемости ударило по молодежи, женщинам и старикам, а также привело к росту экстремистских организаций, которые активно и результативно используют накопившиеся в обществе социальные проблемы в собственных целях. Одна из особенностей современного социального развития государств центральноазиатского региона заключается в определенном влиянии, причем в разных государствах в разной степени, религиозно-философских доктрин, в частности идеи исламской альтернативы. Представляют интерес идеи *Салафийа*, последователи которой, как пишет А. Малащенко, выступали за возврат к «истинному исламу». Салафиты утверждали, что только таким образом можно воссоздать истинное исламское государство всеобщего благоденствия, в котором социальная справедливость обеспечивается праведным правителем [25, с.14].

Таким образом, выработка современных взглядов проходит на фоне противоборства различных целей и идеалов, при противостоянии традиционализма и современности. Причем, для городских жителей более привычными становятся западные стандарты жизни и образ мыслей, а заимствованные идеи, теории и нормы подвергаются синтезированию и изменениям. Современное в транзитных обществах Центральной Азии сосуществует с традиционным, образуя причудливые сочетания и иногда, противостоит ему.

М. Олкотт в своих оценках государств региона, определяет Узбекистан, Киргизию и Таджикистан как страны с низким доходом, находящиеся в напряженной ситуации, а данные по Туркменистану, она считает сомнительными. Единственным, да и то с оговорками, примером успешного развития в регионе, по мнению эксперта, является Казахстан [31, с.109]. По данным Азиатского банка развития ВВП на душу населения в 2004 г. составлял (в долл. США) в Казахстане – 2,723.9, Туркменистане – 1,250.7, Кыргызстане – 432.4, Таджикистане – 323.1, Узбекистане – 461.2 [73, с.3].

В истории социального реформирования в 1991-2007 гг. на примере ключевых стран региона можно выделить следующие этапы. В Казахстане на первом этапе (1992-1996 гг.) – этапе становления новой социальной политики, началось создание законодательной базы по вопросам социальной защиты населения, заложены основы для развития социального партнерства в таких приоритетных направлениях, как занятость населения, оплата труда, социальные гарантии гражданам и социальная защита наиболее уязвимых групп. Была создана национальная правовая база в области социальной защиты нетрудоспособного и социально уязвимого населения. Переломным годом стал

1995 г., когда почти во всех новых независимых государствах относительно окрепла государственность и был пройден первый этап рыночных преобразований.

На втором этапе (1997-1999 гг.) – этапе углубления социальных реформ, в связи с подъемом экономики, у государства появилась реальная возможность для проведения более активной социальной политики. Был принят ряд важных социальных программ, например, программа микрокредитования населения, развитие общественных работ, реформа пенсионной системы и другие. Казахстан стал с 1998 г. первой страной в СНГ, которая начала планомерный переход к накопительной системе пенсионного обеспечения граждан, сформированной в трех уровнях: государственном, обязательном, индивидуальном и добровольном.

На третьем этапе (2000-2007 гг.) складывается национальная модель социальной политики, ориентированная на использование возможностей экономического роста для повышения благосостояния граждан. В послании Президента к народу Казахстана от 25 октября 2000 г. отмечалось то, что «...кризис не дал нам возможности заниматься всерьез благосостоянием людей. Теперь пришло время...» [50]. Принимается ряд законодательных актов и государственных программ, которые позволили обеспечить реформирование трудовых отношений и занятости населения, введение новых видов социальных пособий, создание адресной системы оказания социальной помощи и программы по борьбе с бедностью и безработицей. В 2001 г. была утверждена Концепция социальной защиты РК. Новая система социальной защиты РК включает в себя элементы как солидарной, так и персонифицированной систем, как обязательного, так и добровольного страхования и предназначена для обеспечения социальной защиты населения от основных рисков, с которыми может столкнуться человек в течение своей жизни [48, с.50]. С 1 января 2005 г. в соответствии с Законом Республики Казахстан «Об обязательном социальном страховании» в республике введена система обязательного социального страхования, основной целью которой является возмещение части дохода, утраченного в результате возникновения социальных рисков. Введение трехуровневой системы социального обеспечения предусмотрено также и Программой дальнейшего углубления социальных реформ в Республике Казахстан на 2005-2007 годы.

В Узбекистане в первые годы независимости президентом И. Каримовым были обнародованы пять главных принципов переходного периода. Один из них гласил «Государство – инициатор и главный реформатор экономических преобразований» [49, с.48], этот принцип фактически означал установление этатизма в государственной политике. Во второй половине 1990-х годов в Республике Узбекистан актуализация внутривнутриполитических угроз вынуждает руководство идти на принятие мер по либерализации политической системы. 1997 г. был объявлен в Узбекистане годом интересов человека, что нашло отражение в принципе «От сильного государства – к сильному гражданскому обществу» [13, с.5], выдвинутом президентом И. Каримовым, противоположному принципу «Государство – главный реформатор». Таким

образом, в социальном реформировании Республики Узбекистан можно выделить два крупных этапа, первый этап – начало 1990-х и до 1997 г. когда, главным реформатором было объявлено государство, этатистский период, второй этап – конец 1990-х гг. по настоящее время – когда наряду с инициативами государства в дело социального реформирования стали привлекаться и институты гражданского общества.

В политике реформирования все центральноазиатские республики опирались на различные идеологии развития и разных инструментарий экономической и социальной политики. Кыргызстан, Казахстан и Таджикистан оказались наиболее восприимчивыми к международным рекомендациям, сформулированным в духе неоклассического либерализма. Вместе с тем, как отмечают исследователи, использование правительством Кыргызстана псевдоисторического опыта (семь заветов «Манаса») для обоснования внешних для страны форм западных либеральных моделей развития с неизбежностью вели к разрыву слова и дела, к откату в прошлое, несмотря на большое количество (160) национальных программ [28, с.129]. Узбекистан и Туркменистан решительно отказались от советов международных финансовых институтов и избрали свой путь, отличный от западного рыночного, в практике которого нашли отражение различные варианты советского хозяйствования, импортозамещения и независимой политики развития. Новые независимые государства Центральной Азии, переживающие в настоящее время сложнейший этап системной трансформации, включающиеся в процессы глобализации, стоят перед задачей формирования новой модели социальной политики, отвечающей на вызовы современной социально-политической ситуации в регионе.

Демографические процессы отражают глубинные социальные изменения, которые происходят в экономической, социально-политической жизни страны. Современная демографическая ситуация в Центральной Азии характеризуется устойчивой тенденцией – увеличением доли лиц старшего возраста, что соответствует общемировому процессу старения населения. Страны центральноазиатского региона в контексте старения населения эксперты условно делят на три группы:

1. С ускоренными темпами процесса старения населения (25% пожилых людей к 2050 г.) – Казахстан;
2. Со средними темпами (от 20 до 25% пожилых людей к 2050 г.) – Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан;
3. С медленными темпами (20% пожилых людей к 2050 г.) – Туркменистан [63, с.16-17].

Такой прогноз приводит к выводу об актуальности разработки социально-экономической политики с учетом демографических тенденций для обеспечения достойной старости населения для всего региона, с учетом того, что для Казахстана эта проблема принимает все более очевидные очертания.

В целом, с 1990 по 2004 гг., темпы роста численности населения Центральной Азии снизились по сравнению с предыдущими годами в силу трех основных причин. Первая – эмиграция, особенно в первые годы независимости,

вторая – снижение уровня рождаемости во всех регионах с 1992 г., третья – резкое снижение ожидаемой продолжительности жизни при рождении из-за распада государственной системы здравоохранения и значительного снижения затрат на социальную инфраструктуру во всех странах Центральной Азии с 1990 г. [1, с.48-49]. Изучая демографическое развитие региона, можно наблюдать процессы снижения рождаемости в Узбекистане еще в 1960-1970-е годы [11, с.100]. Анализ репродуктивного поведения женщин-туркменок в 1980-е также показывал, что в традиционной семье возникают черты «ограничиваемой многодетности». Городская же туркменская молодежь ориентируется уже не на среднететную, а нередко и на малодетную семью [21, с.76, 102]. Таким образом, можно отметить то, что во всех странах региона отмечается снижение уровня рождаемости.

Сегодня Центральная Азия переживает период, когда в ней складывается новая социальная стратификация, т.е. новая система социальных групп (слоев), все более углубляются диспропорции в социальном развитии, продолжают сохраняться различия между богатыми и бедными, мужчинами и женщинами, городом и селом, между различными регионами и группами. К этим традиционным видам расслоения прибавился процесс «информационного расслоения» общества, приводящий к проблеме так называемого цифрового неравенства. Один из главных признаков углубляющейся дифференциации в Центральной Азии является – сплетение власти и собственности. В начале 1990-х гг. номенклатура, не только не оказалась на обочине, но постепенно в её руках оказалась экономическая власть, именно из её представителей рекрутировались новые собственники, новая власть. Так сформировалась связка «власть-собственность», которой впоследствии будет пронизана вся социо-экономико-политическая система переходного общества.

В настоящее время проблемы, связанные с центральноазиатским регионом, привлекают к себе пристальное внимание со стороны мирового сообщества. Поскольку чрезвычайно актуальные сегодня проблемы международного экстремизма и терроризма, нелегальной миграции и наркотрафика тесно связаны с уровнем бедности в регионе. Скорость погружения в бедность бывших среднеазиатских республик не может не впечатлять, хотя многие из них еще в советское время относились к малообеспеченным из-за низких доходов, обусловленным региональными различиями в социальном развитии и большим количеством иждивенцев в семье. Анализ этой беспрецедентной гуманитарной катастрофы осложнен отсутствием достоверных данных, в большинстве своем исходная информация противоречива, данные официальной статистики и данные, которые даются неправительственными организациями, сильно различаются. К тому же отношение к бедности в постсоветских государствах излишне политизировано и зачастую правительства, вместо того, чтобы предоставлять реальную информацию и эффективно бороться с этим явлением, прибегают к разного рода статистическим ухищрениям.

В мировой практике для исчисления масштабов бедности используется показатель черты бедности – величина доходов, которая по паритету покупательной способности (ППС) национальной валюты по отношению к

доллару США составляет 1,08 доллара в день. Для стран Центральной Азии Всемирный банк предложил считать более приемлемой чертой бедности 2,15 доллара в день [63, с.34]. По данным Всемирного банка в 2003 г. уровень бедности в большинстве стран региона всё ещё оставался довольно высоким по такому критерию, как доля населения, живущего на сумму менее 2,15 доллара США по паритету покупательной способности, в Казахстане она была равна – 21, в Кыргызстане – 70, Таджикистане – 74, Туркменистане – 44, Узбекистане – 47 % [1, с.50].

Международным опытом доказано, что микрокредитование стало одним из эффективных инструментов снижения уровня бедности. 2006 г. стал годом признания достижений микрокредитования в мире, как известно Нобелевскую премию получил бангладешский профессор экономики, банкир Мухаммед Юнус и созданный им «Гремин банк» – за огромный вклад в международное дело по борьбе с бедностью. В 1995 г. в Кыргызстане стал действовать Фонд помощи международным обществам (FINCA), сформировавшийся в 1985 г. с целью предоставления займов рабочего капитала мало зарабатывающим семьям для искоренения бедности. Считается, что FINCA был пионером в разработке методологии займов «деревенского банкирства». До мая 1997 г. организация выдала 120 000 займов на общую сумму больше чем 900 000 долларов США и всего 100 долларов США описаны как плохой долг [75, с.213].

Отечественная система микрокредитования берет свои истоки в Послании Президента народу Казахстана «Казахстан – 2030: процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев», где большая роль в решении проблем села отводится системе микрокредитования. Закон «О микрокредитных организациях» в Казахстане выделил в качестве приоритета выделение грантов и кредитов социально-уязвимым группам, особенно матерям-одиночкам и многодетным семьям, а также сельским женщинам, открывающим свой бизнес, и малым предприятиям, возглавляемым женщинами. В 2005 г. количество получателей микрокредитов их средств государственного бюджета составило 50600 человек, вместо запланированных 23700 [66, с.34].

Пытаясь воздействовать на негативные процессы на рынке труда, руководство Узбекистана предпринимает ряд мер. Реализуются попытки непосредственного вовлечения социально уязвимых слоев населения в активную предпринимательскую деятельность через расширение микрокредитования малообеспеченных семей.

Микрокредиты смогут играть большую роль в деле преодоления бедности и смогут улучшить возможность решать проблемы, связанные с недостатком материальных ресурсов. Одним из самых главных достижений системы кредитов является создание нового мироощущения, которое стимулирует наиболее уязвимые слои населения к тому, чтобы выйти из состояния безысходности, обусловленной порочным кругом бедности и строить планы на будущее. Кредит это не только финансовый механизм, но и механизм психологический, помогающий населению быстрее адаптироваться к новым правилам игры рыночной экономики.

Динамика заработной платы в долларах США в 2001-2006 гг. характеризовалась устойчивым ежегодным приростом во всех странах Центральной Азии, в целом за этот период заработная плата увеличилась в Казахстане и Кыргызстане в 3 раза, Таджикистане в 4-5 раз. В 2005 г. по данным Статкомитета СНГ самая высокая заработная плата в долларах США (на одного работника; в среднем за месяц) в регионе отмечена в Казахстане – 256,3, в Кыргызстане – 63,7, в Таджикистане – 26,8, в Узбекистане – 82,5 [59, с.242], эта тенденция наблюдалась и в советский период, к примеру, средняя денежная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве в первом полугодии 1991 г. была в Казахской ССР – 143,8, Узбекской ССР – 127,8, в Киргизской ССР – 122, Туркменской ССР – 122,6 руб. [39].

В 2006 г. самая низкая зарплата в государствах региона зарегистрирована в аграрном секторе, здравоохранении и образовании. Самая высокая заработная плата на протяжении 2001-2006 гг. сохраняется в отрасли «финансовая деятельность» [59, с.193]. В Казахстане зарплата в сфере образования и здравоохранения также отстает от среднереспубликанского уровня зарплат в других отраслях экономики, причем такая же ситуация прослеживалась и в советский период. К примеру, среднемесячная заработная плата в 1989 г. в Казахской ССР была 233,7 руб., из них по видам деятельности: здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение – 158,3, народное образование – 171,9. Представляет интерес, то, что в сфере науки и научного обслуживания она значительно превышала среднемесячную – 291,9 [56, с.29-30].

В третьем разделе «Особенности формирования и мобилизации потенциала гражданского общества Центральной Азии в решении социальных проблем» рассматриваются проблемы формирования идеи гражданского общества в историческом контексте, зарождение и специфика гражданского общества, а также деятельность неправительственных организаций (НПО) и местных сообществ Центральной Азии в решении социальных проблем общества.

Формирование и развитие гражданского общества в различных странах мира имеет длительную историю. На основе анализа взглядов античных авторов, аль-Фараби, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо и А. де Токвиля показаны исторические аспекты формирования идеи гражданского общества в истории человечества. Специфика социального развития в Центральной Азии во многом обусловлена особенностями формирования гражданского общества, связанными с 70-летним периодом существования командно-административной системы управления в СССР.

В диссертации раскрываются такие важнейшие условия развития гражданского общества в регионе, как функционирование института многопартийности и деятельность политических партий, которые служат своего рода посредниками между народом и государством, независимые средства массовой информации, деятельность неправительственных организаций, институтов социального партнерства. Можно согласиться с мнением Д. Мэтьюз, о том, что по мере того как растет число

информированных участников гражданского общества, возможностей для реализации ошибочных и непродуманных решений должно становиться всё меньше [34, p.109]. В разделе анализируются национальные законодательства, регламентирующие деятельность политических партий (практически во всех государствах региона, за исключением Туркменистана, сложились многопартийные системы), а также положение свободных и независимых СМИ.

По сравнению с советским периодом профсоюзы в Центральной Азии утрачивают свои функции как органа перераспределения материальных благ, членство в профсоюзах начинает приобретать более формальный характер. Осознание полезности и необходимости профсоюзов различными группами занятого населения происходит крайне неравномерно. Оно выше в традиционных, как правило, индустриальных, отраслях и производствах и ниже – в новых, информационных, финансовых и прочих отраслях, в сфере оказания разнообразных услуг. Исследуются исторические аспекты простейших форм социальной ответственности бизнеса как благотворительность и меценатство, и на примере деятельности крупных компаний раскрываются особенности социальной ответственности бизнеса в современной трактовке.

В разделе подчеркивается, что большую социальную значимость приобретает деятельность многих тысяч НПО, образовавшихся в Центральной Азии в 1990-е годы, как институтов гражданского общества. Большинство из них действуют на добровольных началах и начинают играть весомую роль в центральноазиатском регионе. К примеру, в Кыргызстане к 2000 г. насчитывалось около 2000 НПО, и они брали на себя все больше социальных инициатив, количество НПО на душу населения значительно больше, чем в других странах Центральной Азии [68, с.20]. В Таджикистане НПО в основном работают в крупных городах республики. На 1 июля 2006 г. число зарегистрированных НПО превысило 2800. Как отмечает Ш. Каримов, в Республике Таджикистан происходит постепенный сдвиг в системе «государство-подданный» к созданию гражданского общества [18, с.32-33]. В конце 2003 г. в Республике Узбекистан насчитывалось более 3000 зарегистрированных НПО [15, с.120].

По мнению международных экспертов, Казахстан степенью влияния НПО на общественную жизнь заметно отличается от других республик региона, в 1995 г. насчитывалось 3500 общественных объединений [68, с.23]. В своем выступлении на Гражданском форуме 14-15 октября 2003 г. Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев отметил, что НПО могут активно сотрудничать с государством в решении актуальных общественных проблем. Это огромный фронт работы: охрана окружающей среды, повышение качества здравоохранения и образования, жилищно-коммунальное хозяйство, борьба с бедностью, наркоманией, незаконным вывозом и торговлей людьми [69, с.96]. В 2005 г. в Республике Казахстан был принят закон «О государственном социальном заказе», учитывающий мировой опыт выполнения госзаказа посредством реализации НПО социальных программ. В 2006 г. в Республике Казахстан была одобрена и принята Концепция развития гражданского общества на 2006-2010 годы.

В большинстве своем западные представления о гражданском обществе в Центральной Азии воплотились в многочисленных проектах, направленных на демократизацию, преодоление бедности, гендерного неравенства и др. Между тем, признавая большую роль НПО в решении социальных проблем общества, необходимо отметить тот факт, о котором пишут ряд ученых, что грантодатели ориентированы, в основном, на высокоинституционализированные статусные группы, владеющие английским языком, к тому же ориентированы исключительно на город. Для народов же Центральной Азии характерно существование многочисленных, неформальных, созданных и действующих в местных сообществах институтов, функций и отношений, вытекающих из традиционной социальной структуры.

В Узбекистане опыт мобилизации местных сообществ дает свои результаты. Одной из особенностей традиционного общественного устройства Узбекистана является институт *махалля*. Этот институт является уникальным в том плане, что является регулятором всей общественной и личной жизни людей на своей территории и основой социальной защиты в Узбекистане. Она имела несколько названий – *махалля* (*махаллаат*-местность, квартал, *жамоа*, *гузар*) – и была не только территориальной, но и административной единицей, самой низкой ячейкой городского и сельского подразделения [10, с.54]. В 1999 г. принят закон «Об органах самоуправления граждан» (новая редакция), в котором очерчен круг задач *махалля*. Помимо перераспределительных функций махалля наделяется еще и новыми: защита интересов семьи и женщин, забота о престарелых, социальная поддержка махаллинцев, обеспечение общественного порядка, профилактика правонарушений среди молодежи, контроль работы предприятий торговли и бытового обслуживания, за санитарным и экологическим состоянием территории и т. д.

В Кыргызстане функцию социальной мобилизации осуществляют – *айылы* (села), которые являются основой социальной организации. Вызывает интерес тот факт, что еще на заре советской системы партийные функционеры били тревогу по поводу стремления дехкан объединяться в колхозы по традиционнородовому признаку [8, с.153]. Одним из примеров гражданской активности является деятельность местного общественного объединения «Айбек», которое с 2003 г. выбрало в качестве модельной группы местное сообщество – *джамоат* (слово арабского происхождения со значением «община верующих» и «группа») «Ырыс алды ынтымак». После опустошительных наводнений и оползней в городе Кербен и в селе Чон-Таш Аксыйского района руководящий комитет «Ырыс алды ынтымак» созвал чрезвычайное собрание общины, на котором было решено построить дамбу на реке Авлетим методом «ашар» [7, с.23].

В Таджикистане в рамках традиционных связей формировались и развивались *джамоаты*. *Джамоат* как орган местного самоуправления формируется из избираемых представителей (делегатов) улиц, *махалля*, сел. *Джамоат* сроком на пять лет избирает своего председателя, его заместителя и секретаря. При председателе создан небольшой аппарат госслужащих, численность которого определяет председатель района (города) или Мажлиси

народных депутатов района (города) [17, с.60]. В Таджикистане массовая сельская миграция последних лет принесла с собой традиционные институты, которые меняли городскую среду и изменяясь, вписались в новую систему отношений. Один из важнейших и заметных институтов – *патронаж*. Нити *патронажа* связывают неквалифицированных работников из числа мигрантов и владельцев частных заведений и посредников, которые обеспечивают мобилизацию вчерашних мигрантов на низкоквалифицированную работу [19, с.26]. В таджикском обществе особенно сильна роль *авлодов* – родовых общин. По мнению многих этнографов и политантропологов, исследовавших социальные институты таджиков *авлод* обладает всем комплексом систем жизнеобеспечения, внутриэкономическим, правовыми территориальными, духовно-культурными и идеологическими механизмами, делавшими ее своего рода микросообществом и обеспечивающими ее выживаемость, относительную самостоятельность и приспособляемость [23, с.81]. Как верно отметил В. Бушков, даже привлечение в среднеазиатский регион новой социально-экономической структуры не заменило полностью традиционных, в значительной степени «родовых» и «родо-племенных» общественных отношений. Первые маленькие колхозы в Ленинабадской области формировались из семейно-родственных групп-*авлодов*, и даже колхозная земля рассматривалась как собственность *авлода* [24, с.173]. *Авлод* как социальный институт сохраняет свое значение во всех сферах жизни общества Таджикистана. С. Олимова считает, что в ряде районов, наиболее пострадавших от войны, *авлод* вынужден был взять на себя выполнение функций всех социальных институтов, в том числе и государства [20, с.72].

Функцию социальной мобилизации в сельских районах Казахстана, преимущественно в западных и южных регионах, где преобладают жители коренного населения, и сохранились традиционные социальные связи выполняют аулы. В Республике Казахстан можно отметить использование модели мобилизации местных ресурсов в группы самопомощи (ГСП) с целью решения социально-экономических проблем.

В Туркменистане сельская община туркмен, являясь самостоятельным и независимым звеном, выполняла основные функции государства. Структурно сельская община состояла из совокупности семей. Как отмечает Ч. Язлыев, святой обязанностью семьи считалось оказывать помощь однообщиннику, когда он в этом нуждался, разделить его радость (свадьба, рождение детей, семейные праздники) и горе. Туркменская семья была связана тысячами обязанностей по отношению к другим членам общины, особенно тесными были связи между близкими родственниками [22, с.222]. Согласно исследованиям Т. Дадабаева, и в настоящее время, альтернативу программам социального обеспечения, туркменистанцы все чаще видят в возвращении к таким традиционным институтам, как семья, которые помогают им обеспечивать свои бытовые потребности и преодолевать трудности нынешнего этапа экономического развития [76, с.157].

С формированием городской, урбанизированной культуры в современных государствах Центральной Азии с ее ориентацией на индустриализацию и

глобализацию происходят заметные сдвиги, враждебные традиционному укладу жизни с ее неформальными связями между людьми. Сельский традиционный образ жизни представляет собой более древнюю форму общественных отношений, которая подвергается сейчас новым угрозам и вызовам со стороны нарождающихся капиталистических отношений и ее носителей средних и высших классов общества.

В 4 разделе «Гендерные аспекты социальной политики в Центральной Азии» анализируются сущность понятия «гендер», проблемы женского политического представительства и особенности гендерной политики в Центральной Азии.

В диссертации рассматриваются значительные изменения в историческом сознании и новые тенденции в историографии, связанные с переосмыслением традиционных направлений исследований и появлением новых подходов в истории. Уже в 1970-1980-е гг. в преобладавшей тогда социальной истории происходит сдвиг исследовательских интересов от изучения макроуровневых структур с акцентом на генерализацию и обезличивание (например, «производительные силы», «производственные отношения», «народ», «государство») к исследованию прошлого с микроуровня, с позиции индивидуального опыта мужчин и женщин. Все эти моменты подвели исследователей к выводу о необходимости изучения «женской истории». Существенный поворот в «женских исследованиях» произошел в середине-конце 1980-х гг., когда они стали сближаться с несколькими новыми общественно-научными концепциями, прежде всего с концепцией социального конструирования гендера [77, с.157].

Гендерная политика сегодня – это неотъемлемая часть социальной политики демократического государства, со сформировавшимся гражданским обществом, которая имеет в своем основании определенные законы и принципы развития. Гендер освещает вопросы развития пола как социокультурной конструкции, взаимоотношений мужчин и женщин, как представителей двух социальных групп, имеющих равные права.

Безусловно, в советское время республики Центральной Азии достигли неоспоримых успехов в улучшении положения женщин. На протяжении всего XX в. народы Центральной Азии были втянуты в невиданные доселе изменения, которые перевернули традиционный мир женщин. Наиболее ярким событием 1920-х годов была кампания *Худжум* – наступление на старые устои и освобождение женщины от затворничества и сегрегации. Именно в это время женщины Центральной Азии ощутили себя способными выполнять не только свои биологические функции, но вышли из сферы приватной в общественную и стали активно участвовать в социально-экономической и политической жизни.

С начала 1990-х гг. в Центральной Азии усилились гендерные диспропорции и на женщин легли большие нагрузки. Структурные изменения в социальном секторе, где большую часть работающих составляли женщины (сектор образования и здравоохранения), привели к потере рабочих мест многими из них. Закрытие школ, групп продленного дня и детских садов

системе образования, государственное регулирование трудовых отношений, занятости и миграции населения, а также проблемы здравоохранения и политика в области социального обеспечения.

В разделе отмечается, что с момента обретения независимости каждое из государств Центральной Азии начало развивать свою собственную образовательную модель. Как только советская система распалась, оказалось, что новые независимые государства Центральной Азии не могут больше обеспечивать такое же качество и объем образования, исследований и знаний в широком смысле, к которому привыкло население.

Государственные расходы на образование в странах Центральной Азии особенно сильно сократились в Кыргызстане и Таджикистане. В Таджикистане это в значительной мере было обусловлено кризисными явлениями в социально-экономической сфере, связанными как с распадом СССР, так и последствиями гражданской войны. Из стран региона только в Кыргызстане открыто признавалось наличие детей, не посещавших школы, и предлагалась система мер по всеобщему охвату детей школьного возраста образованием в программе «Доступ к образованию – «Жеткинчек».

В период между 1990-2001 гг. доля расходов на образование в ВВП сократилась с 9,7 до 2,4% в Таджикистане и с 8,3 до 3,1% в Кыргызстане. К примеру, развитые страны мира направляют на развитие образования до 7 % от ВВП, при этом среднемировой уровень составляет 4,1% [1, с.172]. В Казахстане доля расходов на образование резко сократилась не только в абсолютном размере, но и в процентах в ВВП: если в 1990 году они составляли 8,2% от ВВП; то в 1994 – 3,2%, в 1996 – 4,6%, 1997 – 4,4%, 1998 – 4,0%, 1999 – 4%, в 2001 г. – 3,2% , в 2003 – 3,1% от ВВП [58, с.41].

Негативные процессы в системе образования произошли в силу ряда причин: сокращения государственных расходов, распада хорошо организованной ранее системы дошкольного воспитания, и что немаловажно, влияния так называемого «образовательного дестимулятора», поскольку большинство людей с высокими доходами в переходный период далеко не всегда имели высшее образование, и источник их богатства находился в среде, не связанной с системой образования, для многих молодых людей образование и наука потеряли свою привлекательность. В Казахстане, например, по данным опроса BISAM Central Asia в 2005 г., наблюдается устойчивое падение престижа профессии ученого, профессия ученого являлась престижной в оценках только 4,3% жителей страны [64, с.42].

В диссертации проанализированы национальные законодательства в сфере образования, выделяются определенные этапы в процессе реформирования системы образования в государствах региона. Из всех государств региона наиболее кардинальные преобразования произошли в системе образования Республики Туркменистан. В 1993 г. в средствах массовой информации республики была обнародована «Государственная программа претворения в жизнь 1993-1997 гг. новой образовательной политики Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши». В школах вместо привычного десятилетнего был введен 9-летний курс обучения школьников, на год

сокращена программа дневных факультетов. С 1995 г. в вузах было ликвидировано заочное обучение [26, с.71]. Одним из краеугольных камней предвыборной программы Г.Бердымухаммедова было обещание провести масштабную реформу в сфере образования. 15 февраля 2007 г. президент подписал указ «О совершенствовании системы образования в Туркменистане». В соответствии с этим актом с 2008 г. срок обучения устанавливался: в средней школе – 10 лет, в вузах – 5 лет, по медицинским специальностям и отдельным видам искусства – 6 лет [27, с.47].

В разделе отмечается, что идеологией новой образовательной системы для Казахстана и Узбекистана стал принцип «обучение на протяжении всей жизни». Национальные программы подготовки кадров провозгласили образование «непрерывным», разделив его на ясли, школу, лицей, бакалавриат, магистратуру, аспирантуру, докторантуру. В Узбекистане введено обязательное бесплатное двенадцатилетнее образование, складывающееся из девятилетнего общего среднего (школа) и трехлетнего среднего специального, профессионального (академические лицеи и технические колледжи). В Государственной программе развития образования в Республике Казахстан на 2005-2010 гг. предусматривается также переход в 2008 г. на 12-летнее среднее общее образование. Принятие нового Закона об Образовании 27 июля 2007 г., направлено на создание конкурентоспособной образовательной системы. Ряд стран Центральной Азии приняли программы по финансированию обучения студентов за рубежом. Специальные программы предоставления президентских стипендий были созданы в Казахстане (Болашак), Узбекистане (Умид), в Кыргызстане (Кадры XXI века).

Можно отметить то, что внутри государств Центральной Азии традиции научно-гуманитарного сотрудничества постепенно ослабевают, в этом плане можно было бы продолжить существовавшие в начале 1990-х гг. соглашения об экономическом, культурном и научно-техническом сотрудничестве государств региона. К примеру, в 1991 г. в рамках договора о кооперировании в подготовке специалистов в высшем образовании в 1990/91 учебном году на учебу в ВУЗы Казахстана было направлено из республик Средней Азии 290 чел., в т.ч. из Узбекистана – 116, Таджикистана – 63, Туркменистана – 30, Кыргызстана – 81. Из Казахстана в ВУЗы этих республик были направлены 91 человек, в т.ч. Узбекскую ССР – 71, Туркменской ССР – 10, Кыргызстана – 10 [40].

Среди новых задач, стоящих перед новыми независимыми государствами Центральной Азии, выделяется задача обеспечить то, чтобы максимально большее число граждан, получали общеобразовательную и профессиональную подготовку, дающую им возможность вступить в трудовую жизнь и тем самым «включиться» в общество. Реализация идеи обучения в течение всей жизни дает возможность человеку не «выпадать» из общества в условиях быстрого научно-технического прогресса, структурной перестройки, отмирания старых и рождения новых профессий.

В разделе проанализировано положение в сфере занятости населения региона. Отмечается, что в ходе социально-политических преобразований в

Центральной Азии во весь рост встала проблема занятости трудоспособного населения. Формирующийся рынок труда в регионе характеризовался сокращением доли занятых в государственном секторе экономики и, соответственно, увеличением ее в негосударственном. Переход к рынку сопровождался появлением безработицы, в том числе и скрытой, обусловленной сохранением трудового потенциала предприятий на фоне падения объемов производства, а также расширением неформальных трудовых практик. Общее число безработных, определяемое по методологии Международной организации труда, по данным последних выборочных исследований населения, проведенных в 2006 г. составило в Казахстане 0,6 миллиона человек (8% от экономически активного населения), в Кыргызстане (2005 год) – 0,2 (9%), в Таджикистане (по данным обследования, проведенного в 2004 г.) – 0,2 миллиона человек (7,4%) [59, с.270-271].

Сегодня, для государств Центральной Азии, как никогда остро, стоит вопрос об организации новых подходов в решении проблем обеспечения занятости социально незащищенных категорий населения. Вместе с тем, мировые тенденции характеризуются изменениями в системе занятости, происходит широкое распространение гибких и изменчивых форм занятости.

Международные миграционные процессы в государствах Центральной Азии обусловлены геополитическим положением и социально-экономическим развитием стран. Страны региона стали главным транзитным коридором для незаконной миграции с Юго-Востока (страны Азии) на Северо-Запад (страны Европы, США, Канада). Кроме того, из центральноазиатских государств происходит большой отток трудовых мигрантов, преимущественно в Россию, где они в большинстве случаев оказываются незащищенными [70, с.7].

В настоящее время все большее количество людей в регионе рассматривают миграцию как путь к расширению возможностей в сфере занятости, образования, достижения социального благополучия в будущем, и Казахстан, становится своеобразной точкой притяжения для мигрантов из государств региона. Согласно данным, представленным Всемирным банком по проблемам миграции в Центральной Азии, Казахстан занимает 9-е место в списке ведущих стран мира, принимающих мигрантов [67]. По данным МВД РК за последние пять лет количество ежегодно въезжающих в Казахстан иностранцев увеличилось в пять раз и в 2006 г. составило 2 млн. человек [78, с.77]. К примеру, согласно Обзору Международной организации по миграции (МОМ) за 2001-2002 гг., объем трудовой миграции только из Республики Узбекистан в страны Восточной Европы и Центральной Азии составлял от 500 тыс. до 700 тыс. человек [71, с.62].

Современные миграционные потоки в Казахстане можно разделить на внутренние и внешние. Причем самый большой поток мигрантов приходится на внутренние миграции, которые наблюдались и в советский период. В справке о состоянии миграции населения Каз. ССР за 1965-1972 гг. отмечалась миграционная подвижность сельского населения. В целом среди мигрантов из сельской местности население в трудоспособном возрасте составило 76,9%. Это привело к тому, что на начало 1971 г. общий дефицит рабочих в совхозах и

колхозах республики составил около 120 тыс. человек. В связи с оттоком сельской молодежи в города процесс постарения стал особенно заметен в сельской местности [43].

В настоящее время для социально-экономической стабильности Казахстана представляет определенную угрозу нерегулируемая внутренняя миграция. Только по официальным данным, более 100 тыс. казахстанцев ежегодно покидают от села, и переезжают в города [78, с.79], для сокращения масштабов внутренней миграции в республике необходимо решение ряда насущных социально-экономических проблем села. В этом плане необходимо отметить важность разработки целенаправленной социальной политики в отношении сельско-городских мигрантов для их успешной адаптации к новым условиям.

После установления независимости в Казахстане резко ухудшилась демографическая ситуация. За пределами территории Казахстана, по данным Г. Мендикуловой, проживали около 4 млн. 500 тыс. казахов в 14 государствах бывшего СССР и 25 странах мира, из которых лишь около 800 тыс. представляют собой диаспору, остальные 3 млн. 700 тыс. являются казахской ирредентой, т.е. проживают на сопредельных с Казахстаном землях, оторванных от него и присоединенных к России, Китаю, Узбекистану в разные исторические периоды [6, с.3]. Президент Каз. ССР Н. Назарбаев выражал серьезную озабоченность положением казахов в других государствах. В частности, в письме от 27 июня 1990 г. Министру иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе отмечалось: «По имеющимся сведениям в Баян-Ульгийском аймаке МНР, где проживает около 170 тысяч казахов, обострились внутривластные проблемы, усилилось негативное отношение коренного населения к казахам...Соотечественники рассматривают также и варианты массового переезда в Каз. ССР» [42]. Учитывая данные обстоятельства, после обретения независимости Казахстан провозгласил политику возвращения казахов на историческую родину. Законодательно эта политика нашла свое отражение в законах РК «О гражданстве Республики Казахстан», «Об иммиграции», «О миграции населения».

Учитывая неудачи и опираясь на накопленный мировым сообществом позитивный опыт, государство может пересмотреть свою интеграционную политику в плане усиления акцента на решение социально-экономических проблем, на противодействие социальной исключенности оралманов. Улучшение экономического положения оралманов способно обеспечить их большую открытость, ослабление тенденции к акцентированию отличий и культурной самобытности.

Государства Центральной Азии можно разделить на страны принимающие – Казахстан, где наблюдается недостаточность в трудовых ресурсах, и отправляющие, государства – экспортеры, это Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан, для которых характерна избыточность трудовых ресурсов. Из пяти стран региона, только Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан активно взаимодействуют между собой в рамках ЕврАзЭС, где вопросы регулирования трудовой миграции и обеспечения свободного передвижения граждан государств-участников поставлены в качестве одной из приоритетных задач.

17-летний опыт сосуществования новых независимых государств Центральной Азии показал неразрывную культурно-историческую связь между народами региона. Общая история, издавна сложившиеся культурные связи народов, общность традиций, отсутствие языковых барьеров в общении создают основу для интеграции государств региона. Вместе с тем, рассматривая перспективы региональной интеграции, многие эксперты довольно осторожны в своих оценках. В частности, узбекистанский ученый Р. Алимов отмечает, что «на данный момент целесообразно говорить не об интеграции, а об углублении сотрудничества между самими странами региона на двустороннем и многостороннем уровне» [12, с.57]. Со временем государства Центральной Азии вынуждены будут принять довольно противоречивые правила выживания в современном мире, наряду с защитой и укреплением своего суверенитета, политической и экономической независимости необходимо будет принимать во внимание процесс глобализации и взаимозависимости.

В разделе рассматриваются проблемы, связанные с реформированием системы здравоохранения в регионе. Система здравоохранения в Центральной Азии развивалась по образцу советской социализированной медицины, которая известна также как «модель Семашко». В 1994-1998 годах в большинстве стран СНГ введена система обязательного медицинского страхования, предполагавшая в целом увеличение доли финансирования, но на деле наряду с разрушением государственной системы здравоохранения возникали новые трудности. Государственные расходы на здравоохранение в странах Центральной Азии составляли в % от ВВП в 1995 и 2001 г. соответственно: в Казахстане – 2,2 и 1,9; Кыргызстане – 3,5 и 2,2; Таджикистане – 1,3 и 0,9; Туркменистане – 1,2 и 3,0; Узбекистане – 5,8 и 2,5. Если рассмотреть расходы на душу населения в 2002 г. (ППС в долл. США): Казахстан – 261, Кыргызстан – 117, Таджикистан – 47, Туркменистан – 182, Узбекистан – 143, к сравнению, Россия потратила 534 долларов [1, с.165]. Государственные расходы в 2003 г. на здравоохранение в (% ВВП) составили: Казахстан – 2,0, частные в (% ВВП) – 1,5; Туркменистане соответственно 2,6 и 1,3; Киргизии – 2,2 и 3,1; Узбекистане – 2,4 и 3,1; Таджикистане – 0,9 и 3,5 [65, с.302-303]. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) для полного удовлетворения потребностей населения в современной медицинской помощи, соответствующим уровню развития медицинских технологий, необходимы затраты не менее 12% ВВП, а для удовлетворения насущных потребностей с приемлемым уровнем качества медицинских услуг – не менее 6-8% [79, с.56].

Мировой опыт свидетельствует о том, что чем беднее становится та или иная страна, тем меньше ее возможности по содержанию медицины и, соответственно, выше доля частных расходов в совокупном объеме затрат на здравоохранение. Проведенные международные сопоставления говорят о тесной корреляции между уровнем экономического развития страны и мерой государственных обязательств в отношении предоставления населению бесплатной медицинской помощи.

В разделе проанализированы пенсионные системы стран мира, показано, что они развиваются разными путями в зависимости от исторических и

социокультурных традиций, социальной структуры общества, роли государства в экономике, направлений и приоритетов социальной политики. Кризис пенсионных систем, прежде всего, распределительных, вызвал их быструю трансформацию во многих странах, в том числе, и в государствах Центральной Азии. Изучены национальные законодательства и выделены особенности реформ в области пенсионного обеспечения в государствах региона. Отмечается, что из всех государств региона Казахстан первым в 1998 г. начал планомерный переход от государственной к смешанной накопительно-солидарной системе пенсионного обеспечения. Накопительная пенсионная система, построена по образцу и подобию чилийской модели, при этом большой проблемой для реализации накопительной системы является то, что определенная часть населения Казахстана – самозанятые, остаются за бортом пенсионной реформы. В странах региона необходимо довести коэффициент замещения (соотношение между средним размером пенсии и средней начисленной зарплатой) к принятым в международном сообществе стандартам (Конвенции МОТ № 102 процент замещения дохода для пенсионеров должен составлять не менее 40-45% , и не более 75% от заработной платы). В 2005 г. в Казахстане же средний уровень пенсии составляет не более 35% от средней заработной платы по республике [63, с.40].

Трагизм положения пенсионеров в Центральной Азии, как и во всем постсоветском пространстве, в наличии множества разрушительных процессов, наносящих тяжелый удар по социальному статусу пожилых людей. Это и обесценивание в связи с инфляцией, и исчезновение денежных сбережений (советского периода) пожилого населения, ставящее пенсионеров в исключительную зависимость от текущих доходов; ускоренный процесс нуклеаризации семей, лишаящий пенсионеров пользоваться совокупным семейным доходом; в наибольшей степени затрагивающая интересы пожилых людей коммерциализация здравоохранения; быстрое повышение тарифов в жилищно-коммунальной сфере, нарастающая дискриминация на рынке труда. Разумеется, что в этих условиях размеры пенсии приобретают огромное значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение на основе комплексного и системного анализа различных аспектов социальной политики государств Центральной Азии позволяет сформулировать следующие выводы:

Для государств Центральной Азии представляется приемлемой концепция социальной политики, рассчитанная на пробуждение творческой активности масс в сочетании с эффективной реализацией социальных программ. Для этого наряду с формированием социальной активности бизнеса и общественных организаций, в том числе и местных сообществ, необходимо усиление государственного вмешательства в социальную сферу, и более эффективный контроль над национальными ресурсами. Социальная политика для государств Центральной Азии является важнейшим инструментом ослабления

социальной напряженности, нейтрализации социальных конфликтов, способствует гармонизации отношений в духе социальной справедливости и солидарности.

Воспроизводство человеческого потенциала в СССР все больше оказывалось неполноценным, и не случайно усиление деградации рабочей силы, снижение эффективности управления, отсутствие истинной социальной сплоченности на всех уровнях привело к застою и распаду Советского Союза. Болезненные и во многом вынужденные реформы в Центральной Азии были ответной реакцией на глубокий кризис прежней модели развития.

Заметное влияние на регион наложила и модернизация, сопровождавшаяся русификацией и активным преобразованием традиционных институтов, усилившая специфику центральноазиатского региона. Дополнительные специфичные особенности внесли и различные варианты постсоветского развития, связанные с выбором демократии или авторитаризма, централизованной или рыночной экономики. На основе компаративного анализа стратегий социального реформирования выявлены существенные различия в динамике и характере социальных реформ в новых независимых государствах Центральной Азии: на одном полюсе (более быстрый, форсированный переход) – Киргизия, Казахстан и Таджикистан, на другом – Узбекистан и Туркменистан (постепенный, градуалистский переход).

В центральноазиатском регионе формируется тенденция снижения уровня рождаемости, дифференцированная по городу и селу, этническим и социальным группам женщин. Повышение уровня образования женщин и уровня урбанизации воздействует на уровень рождаемости как снижающий фактор. Региональные особенности демографического развития обусловлены, во многом, историческими, экономическими, социальными, географическими и, безусловно, культурными факторами.

В Центральной Азии, все социальные страты переходного общества возникли в процессе скоротечной трансформации социализма, обладавшего в СССР весьма своеобразными чертами. События последних семнадцати лет привели к интенсивному социально-экономическому расслоению населения Центральной Азии. Социальное структурирование транзитных обществ Центральной Азии характеризуются большой степенью аморфности, неоднозначности, неопределенности и подвижности новых социальных групп.

Масштабное сокращение производства привело к резкому падению жизненного уровня на постсоветском пространстве. Бедность в Центральной Азии – это проблема не только устойчивого социально-экономического и политического развития стран региона, но проблема региональной безопасности. Безусловно, каждое из государств Центральной Азии, осознавая, что снижение уровня жизни представляет реальную угрозу демографическому, социально-экономическому развитию и стабильности политической системы, разрабатывает национальные стратегии сокращения бедности и предпринимает ряд серьезных мер, тем не менее, уровень жизни в странах региона все еще остается довольно низким, в этой связи поиск эффективных стратегий ее

снижения, с учетом мирового опыта борьбы с бедностью, требует тщательного изучения и внимания со стороны правительств и научной общественности.

Растущее гендерное неравенство в получении образования, возникающее цифровое неравенство будет ограничивающим фактором для социально-экономического роста стран региона. В реальной жизни, несмотря на относительно высокую правовую обеспеченность национальных законодательств центральноазиатских государств, механизмы, предъявляющие женщинам равные возможности с мужчинами, во многих существующих нормах не предусмотрены.

Характерными чертами развития системы образования в Центральной Азии являются наличие ряда взаимообусловленных проблем: недостаточное финансирование образования, кризис системы дошкольного воспитания, начального и среднего образования, серьезные вызовы перед высшим образованием, диспропорции в подготовке специалистов с высшим образованием, а также растущие языковые барьеры.

Нерегулируемая миграция в Центральной Азии приводит зачастую к ухудшению криминогенной ситуации, росту коррупции и социальной напряженности на местном уровне, усиливает социальную неуправляемость и генерирует конфликты не только местного, локального значения, но и может привести к межгосударственным конфликтам. У стран Центральной Азии немного времени на выработку эффективной миграционной политики, стремительная глобализация, в первую очередь, миграционных процессов диктует им вызовы, на которые необходимо адекватно отреагировать.

Для устойчивого социально-экономического развития государств Центральной Азии имеются все необходимые природные и человеческие ресурсы. Решением многих проблем, стоящих перед новыми независимыми государствами региона, может стать ведение согласованной социальной политики.

Исследование различных аспектов социального реформирования в новых независимых государствах Центральной Азии позволяет сформулировать следующие предложения и рекомендации:

- необходимо стимулировать региональное научно-гуманитарное сотрудничество государств региона, в частности междисциплинарные научные исследования и аналитические разработки в области обеспечения социальной безопасности;

- всемерно развивать систему микрокредитования, которая сможет стать наиболее эффективным инструментом борьбы с бедностью;

- способствовать обеспечению достойного уровня жизни работникам социальной сферы – учителям, врачам, инженерам, ученым, т.е. профессионалам, составляющим в развитых государствах костяк среднего класса и вносящим свой весомый вклад в создание социального капитала;

- опираясь на консультативные механизмы всемерно развивать диалог социальных партнеров и консенсус в принятии решений, причем диалог на разных уровнях – от правительств до ученых, массовых общественных организаций и предпринимателей, который позволит привлечь к выработке

социальной политики более широкий круг деятелей, и минимизирует риск принятия непродуманных решений;

– организовать женщинам, потерявшим работу возможность посещения разного рода курсов, это могут быть и курсы, связанные как с новыми технологиями, так и традиционные курсы ремесленных подделок, кройки и шитья, кулинарии и др.;

– необходимо увеличение доли государственных расходов на образование и здравоохранение, которые определяют состояние и качество человеческих ресурсов;

– в процессе перехода от распределительной пенсионной системы к накопительной целесообразно создание трехуровневой системы социального обеспечения, распределяющей ответственность между государством, работодателем и работником и довести коэффициент замещения, соотношение между средним размером пенсии и средней начисленной зарплатой, к принятым в международном сообществе стандартам;

– совершенствовать и развивать комплексную программу социальной адаптации для сельско-городских мигрантов и оралманов, которая должна включать бесплатное профтехобразование, стипендию, общежитие на период обучения, упрощенную процедуру прописки, психологическую поддержку, языковые курсы, помощь в трудоустройстве;

– всемерно развивать региональные, коллективные условия для широкой интеграции региона в области сближения государственных социальных стандартов, принятия совместных мер для регулирования процессов трудовой миграции, удовлетворения потребностей экономик государств региона в трудовых ресурсах, рационального использования интеллектуального и природного потенциала региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. В будущее без барьеров: региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности / Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ. – Братислава, 2005. – 281 с.

2 Назарбаев Н. Новый Казахстан в новом мире. Послание народу Казахстана // Казахстанская правда. – 2007. – 28 февраля.

3 Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., комментарий и статья В. Сапова. – СПб.: РГХИ, 2000. – 1056 с.; Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 781с.; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – 956 с.; Иноземцев В. Расколота цивилизация. – М.: Academia, Наука, 1999. – 724 с.

4 Жумагулов К. Проблемы изучения всемирной истории в Республике Казахстан // Отан тарихы. – 2001. – №3. – С.78-80.

5 Ирмуханов Б. Казахстан: прошлое и настоящее. – Алматы: Наш Мир, 2001. – 335 с.; Тасмагамбетов И. Социальная политика и политическая трансформация. – Алматы: Ғылым, 1997. – 250 с.; Бижанов А. Республика Казахстан: демократическая модернизация общества переходного периода. – Алматы: Өнер, 1997. – 256 с.; Машан М. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, цеledостижение. – Алматы: Қазақстан даму институты, 2000. – 208 с.; Баймагамбетов С. Современная социально-культурная политика Республики Казахстан: разработка, реализация, проблемы (исторический анализ). Астана: Елорда, 2001. – 304 с.

6 Мендикулова Г. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. – Алматы: Ғылым, 1997. – 264 с.

7 Байматов Б. Специфически местные аспекты «гражданского общества» в Кыргызстане: взгляд с социальной и географической периферии // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – № 4 (46). – С.17-30.

8 Джунушалиев Д., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №3 (9). – С.146-155.

9 Женщины Кыргызстана: традиции и новая реальность. – Бишкек: Учкун, 1995. – 96 с.

10 Арифханова З. Традиционные сообщества в современном Узбекистане // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 4. – С.53-61.

11 Буриева М.Р. Рождаемость в Узбекистане. Ташкент: ФАН, 1991. – 103 с.

12 Алимов Р. Центральная Азия: общность интересов. – Ташкент: Шарк, 2005. – 464 с.

13 Узбекистан на пути к гражданскому обществу: сборник статей / Под ред. Р. Алимова. – Ташкент: Шарк, 2003. – 304 с.

14 Тохтаходжаева М. Утомленные прошлым. Реисламизация общества и положение женщин в Узбекистане. – Ташкент, 2001. – 352 с.

15 Эргашева М. Время расцвета: деловая активность женщин как одна из составных частей дальнейшего развития Узбекистана. – Ташкент: Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои, 2004. – 168 с.

16 Тагаев Д., Аитов Н. Пути развития Таджикистана. Душанбе: Ирфон, 1994. – 176 с.

17 Джаббаров А. Государственное строительство в Таджикистане // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – №1 (31). – С.55-62.

18 Каримов Ш. О диалектике зарождения гражданского общества и государственной поддержке НПО в Таджикистане // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – 4 (46). – С.30-38.

19 Олимова С., Олимов М. Таджикистан на пороге перемен. – М.: Центр стратегических и политических исследований. Научно-аналитический Центр «Шарк», 1999. – 168 с.

20 Олимова С. Социальная структура Таджикистана и ее влияние на процессы демократизации // Демократические процессы в Центральной Азии: опыт и перспективы: Мат. межд. научно-практ. семинара. – Бишкек: Межд. ун-т Кыргызстана, 1998. – С.68-77.

21 Кадыров Ш. Народонаселение Туркменистана: история и современность / Под ред. В. Козлова. – Ашхабад: Ылым, 1986. – 120 с.

22 Язлыев Ч. Туркменская сельская община / Под ред. Г. Маркова. – Ашхабад: Ылым, 1992. – 300 с.

23 Бушков В. Таджикиский авлод тысячелетия спустя // Восток (Orient). – 1991. – №5. – С.80-90.

24 Бушков В. Население Северного Таджикистана: формирование и расселение / Российская Академия наук. Институт этнологии антропологии имени Н. Миклухо-Маклая. – М., 1995. – 173 с.

25 Малащенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект / Моск. центр Карнеги. – М.: Весь мир, 2006. – 221 с.

26 Демидов С. Постсоветский Туркменистан. – М.: Наталис, 2002. – 224 с.

27 Куртов А. Туркменистан: особенности транзита и безопасность региона // Казахстан в глобальных процессах. – 2007. – №1. – С.43-47.

28 Стратегическая матрица Кыргызстана: ретроспектива, современность и сценарии будущего развития / Под общ. ред. А. Байшушакова. – М.: Институт экономических стратегий, 2007. – 440 с.

29 Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 256 с.

30 Олкотт М. Казахстан: непройденный путь / Моск. центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2003. – 354 с.

31 Олкотт М. Второй шанс для Центральной Азии / Центр Карнеги. – Москва-Вашингтон, 2005. – 487 с.

32 Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность / Под ред. Н. Космарской; пер. с фр. Т. Григорьевой. – М.: Наталис, 2007. – 360 с.

33 Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. – Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press, 1994. – 207 p.

34 Matbews J. Democracy: Russian Think Tanks // Rough Crossing: Democracy in Russia / Eds. A.Kuchins, D.Trenin, M. Trudolyubov, N. Yefimova; Carnegie Moscow Center. – Moscow: Neostrom Publishers, 2004. – P.105-109.

35 Gender, Politics and the State / Ed. by V. Randall, G. Waylen. – New York, 1998. – 214 p.

36 Women's Rights – Human Rights / Ed. by J. Peters, A. Wolper. – New York, 1995. – 372 p.

37 О состоянии охраны материнства и детства в республике // Архив Президента Республики Казахстан (АП РК) Ф.708; Оп.139, д.2433. – лл.2-3.

38 О привлечении учащихся общеобразовательных школ к сельскохозяйственным работам в 1985-1986 учебном году в Чимкентской области // АП РК. Ф.708; Оп.123, д.103. – лл.14-15.

39 Об экономическом и социальном развитии республик Средней Азии и Казахстана в первом полугодии 1991 года // АП РК. Ф.7; Оп.1, д.395. – Л.15.

40 Информация о ходе выполнения соглашения об экономическом, культурном и научно-техническом сотрудничестве Каз.ССР и республик Средней Азии за 1 полугодие 1991 г. // АП РК. Ф.7; Оп.1, д.73. – Л. 43.

41 Стенограмма встречи руководителей республик Средней Азии и Казахстана в г. Алма-Ате 22-23 июня 1990 г. // АП РК.Ф.7; Оп.1, д.69. - Л.2.

42 Министру иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе // АП РК. Ф.7; Оп.1, д.85. - Л.5.

43 О состоянии миграции населения Казахской ССР и мерах по ее рационализации // ЦГА РК. Ф.1987; Оп.1, д.312. - Л.16.

44 Конституция Республики Казахстан 30 августа 1995 г. с изменениями и дополнениями, внесенными законами Республики Казахстан от 7 октября 1998 года № 284, 21 мая 2007 года, № 254. – Алматы: ЮРИСТ, 2007. – 44 с.

45 Конституции стран СНГ / Сост. Ю. Булуктаев. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 416 с.

46 О мерах по повышению роли женщин в государственном и общественном строительстве Республики Узбекистан // Указы Президента Республики Узбекистан 1995-1999 гг. Ташкент, 2000. – С.354-355.

47 Стратегия гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006-2016 годы // Казахстанская правда. – 2005. – 3 декабря.

48 Концепция социальной защиты населения Республики Казахстан: Одобрена постановлением Правительства Республики Казахстан от 27 июня 2001 года № 886 // НПО решение проблем бедности. – Алматы, 2004. – С. 50-59.

49 Каримов И. Узбекистан – собственная модель перехода на рыночные отношения. – Ташкент: Узбекистон, 1993. – 116 с.

50 Назарбаев Н. К свободному, эффективному и безопасному обществу: Послание народу Казахстана // Казахстанская правда. – 2000. – 25 октября.

51 Народное хозяйство Туркменской ССР в 1976 году: статистический ежегодник. – Ашхабад: Туркменистан, 1977. – 207 с.

52 Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 г.: статистический ежегодник. – Ташкент: Узбекистан, 1971. – 357 с.

53 Народное хозяйство Таджикской ССР в 1975 году: статистический ежегодник. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 279 с.

54 Народное хозяйство Киргизской ССР. К 60-летию образования СССР: статистический ежегодник. - Фрунзе: Кыргызстан, 1982. – 264 с.

55 Народное хозяйство Казахской ССР: юбилейный статистический ежегодник. – Алма-Ата: Казахстан, 1987. – 344 с.

56 Народное хозяйство Казахстана за 70 лет: статистический сборник. – Алма-Ата: Казахстан, 1990. – 392 с.

57 Краткий статистический ежегодник Казахстана: статистический сборник / Под ред. К. Абдиева. – Алматы: Агентство РК по статистике, 2005. – 216 с.

58 Образование в Республике Казахстан: статистический сборник / Под ред. А. Смаилова. – Алматы: Агентство РК по статистике, 2002. – 148 с.

59 Материалы Статкомитета СНГ. Социально-экономическое положение стран Содружества независимых государств в 2006 году. Общие итоги // Общество и экономика. – 2007. – № 2-3. – С.192-271.

60 Женщины Туркменистана и гендерные различия в развитии / Национальный институт статистики и прогнозирования Туркменистана. Бюро по женскому развитию в Туркменистане. – Ашгабат, 1999. – 104 с.

- 61 Мужчины и женщины Узбекистана: статистический сборник / Издание Макроэкономстата РУз., Гос. департамента статистики. - Ташкент, 2002. - 108 с.
- 62 Национальный отчет о человеческом развитии за 2004 год. Образование для всех: основная цель нового тысячелетия / ПРООН. - Алматы, 2004. - 144 с.
- 63 Отчет о человеческом развитии. Казахстан 2005. Старшее поколение в Казахстане: взгляд в будущее / ПРООН. - Алматы, 2005. - 144 с.
- 64 Отчет о человеческом развитии 2007. Новые технологии для развития человека в Казахстане / ПРООН. - Алматы, 2007. - 158 с.
- 65 Доклад о развитии человека 2006. Что кроется за нехваткой воды: власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов / Пер. с англ. - М.: Весь мир, 2006. - 440 с.
- 66 Снижение бедности в Казахстане: политика государства и вклад ПРООН. - Алматы, 2006. - 80 с.
- 67 Эксперты Всемирного Банка включили Казахстан в десятку стран, лидирующих по числу принимаемых мигрантов // Панорама. - 2007. - 19 января.
- 68 Неправительственные организации Казахстана: вчера, сегодня, завтра. - Алматы: S-Принт, 2002. - 80 с.
- 69 Государство и НПО: конструктивный диалог / МИ РК, ПРООН: мат. гражданского форума. - Астана, 2004. - 96 с.
- 70 Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие технологии / Под ред. Г. Витковской. - М.: Гендальф, 2004. - 351 с.
- 71 Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане: аналитический обзор / Европейская Комиссия, Международная организация по миграции. - Алматы, 2005. - 146
- 72 Доклад генерального директора. Равенство в сфере труда: поиски ответов на вызовы. Международная конференция труда. 96-я сессия 2007 г. / Международное бюро труда. - Женева, 2007. - 145 с.
- 73 Доулинг М., Вигнарая Г. Центральная Азия после пятнадцати лет переходного периода: рост, региональное сотрудничество и выбор политики / Азиатский банк развития. - Манила, 2005. - 34 с.
- 74 Кривко Н. Оценка бедности в республике Казахстан // Экономика и статистика. - 2000. - №2. - С.9-16.
- 75 Нищета переходного периода / ПРООН. Региональное Бюро по Странам Европы и СНГ. - Братислава, 1998. - 248 с.
- 76 Дадабаев Т. Постсоветский Туркменистан: условия жизни, доверие между людьми, источники беспокойства // Центральная Азия и Кавказ. - 2006. - №4 (46). - С.147-157.
- 77 Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / Под ред. И. Чикаловой. - Минск: БГПУ, 2001. - 320 с.
- 78 Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии: состояние и перспективы. - Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. - 312 с.
- 79 Лисицин Ю. Дифференциальный подход к оплате медицинских услуг и лекарств // Экономика здравоохранения. -1997. - №8. - С.56-59.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

- 1 Общее и особенное в развитии доиндустриального Казахстана // Мысль. – 2000. – №6. – С. 56-61.
- 2 Казахстан и страны Центральной Азии: поиски идентичности // Евразийское сообщество. – 2001. – №2. – С. 23-29.
- 3 Некоторые аспекты социальной политики РК // “Ауезовские чтения – 3”: Материалы международной научно-практической конференции.- Шымкент, 2001. – С. 181-183.
- 4 Некоторые проблемы системы образования в переходный период // Философия образования и ее роль в формировании гуманитарного типа знания: Материалы слушателей Летнего Университета. – Алматы, 2002. – С. 43-51.
- 5 Рынок труда Республики Узбекистан: проблемы и перспективы // Евразийское сообщество. – 2003. – №2. – С. 140-153.
- 6 Развитие человеческого капитала как фактор предотвращения бедности // Сильная социальная политика и развитие человеческого фактора в переходный период: материалы международной научно-практ. конференции. – Ташкент, 2003. – С. 20 – 24
- 7 Международное сотрудничество в области всемирной истории углубляется // Вестник КазНУ. Серия информационная. – 2003.– №2 (11). – С. 94 – 95.
- 8 Республика Узбекистан и международный рынок труда // Саясат – Policy. – 2004. – №1. – С. 26-32.
- 9 О человеческом развитии // Бизнес и образование: материалы IV международной научно-практической конференции. – Алматы: Две столицы, 2004. – С. 312-317.
- 10 Человеческое развитие и социально-экономический рост // Евразия. – 2004. – №6. – С. 37-47. - (в соавторстве с Балгимбаевым А.С.).
- 11 Концепция человеческого развития: истоки и сущность // Евразийское сообщество. – 2004. – №4. – С. 118-126.
- 12 Социальные реформы в человеческом измерении // Экономика, право, культура в эпоху общественных преобразований: материалы международной научно-практической конференции. - Алматы, 2005. - С. 244-254.
- 13 Kazakhstan in the 21st Century: Quality of Life and Social Objectives // Kazakhstan 2004. - Almaty: Kazakhstanika, 2005. – P. 28-34.
- 14 Система образования Республики Казахстан и мировые тенденции развития образования: материалы XXXV научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава КазНУ им. аль-Фараби. Алматы: Қазақ Университеті, 2005. – С. 55-58.
- 15 Политика Республики Казахстан в сфере образования: реальность и перспективы // Саясат – Policy. – 2005. – №5. – С. 45-51.
- 16 Влияние античных идей на развитие современной социально-политической мысли // Актуальные проблемы античного мира: материалы международной научной конференции. Алматы, 2005. – С. 111-121.

- 17 Специфика человеческого развития Республики Казахстан в переходный период // Бизнес и образование: вектор развития: материалы V Международной научно-практической конференции. – Алматы, 2005. – С. 347-352.
- 18 Исторические предпосылки возникновения социального государства // Казахстан в панораме общечеловеческого исторического мышления: материалы международных Бекмахановских чтений. – Алматы: Қазақ Университеті, 2005. – С. 285-291.
- 19 О сущности и функциях социального государства // Евразия. – 2005. – №5. – С. 53-70.
- 20 Казахстан – социально-ориентированное государство // Kazakhstan Country Profile` 2005. – Алматы: Kazakhstanika, 2005. – С. 55-61.
- 21 Kazakhstan – Socially Oriented State // Kazakhstan Country Profile` 2005. – Алматы: Kazakhstanika, 2005. – Р. 48-53.
- 22 Проблемы и перспективы развития кредитной технологии в вузах Казахстана // Совершенствование учебно-методической работы и внедрение новых технологий обучения: материалы научно-методической конференции. – Алматы, 2006. – С. 155-157.
- 23 Исторические истоки феномена «власть-собственность» // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2006. – №5. – С. 128-131.
- 24 Республика Казахстан: координаты социального развития // Білім – Образование. – 2006. – №6. – С. 148-156. – (в соавторстве Сатовой А.К.).
- 25 Әлеуметтік-экономикалық өмірдегі адам дамуы мәселесі // «Қазақстан халықтарының бірлігі-тұрақтылық пен өркендеуінің кепілі» атты республикалық ғылыми-практикалық конференцияның еңбектері. – Шымкент, 2006. – 65-72 бб. (А.К.Молдадосовамен біріккен авторлығымен).
- 26 Роль НПО Центральной Азии в социальной стабилизации общества // Білім – Образование. – 2007. – №1. – С. 86-91.
- 27 Об «истории женщин» как научном направлении // Всемирная история и Казахстан в XXI в.: материалы республиканской научно-теоретической конференции. – Алматы: Қазақ Университеті, 2007. – С. 38-46.
- 28 Гендерные аспекты социальной политики в Центральной Азии // Вестник КазНУ. Серия политология. – 2007. – №2. – С. 152-155.
- 29 Социальная политика советского государства в Центральной Азии // Высшая школа. – 2007. – №3. – С. 272-276.
- 30 Роль местных сообществ Центральной Азии в решении социальных проблем // Поиск. – 2007. – №2. – С. 118-122.
- 31 К вопросу о женском политическом представительстве // Казахстан-Спектр. – 2007. – №2. – С. 80-88.
- 32 The Tradition and Specifics of Gender Issues in Uzbekistan // Central Asia's Affairs. – 2007. – №2. – Р. 22-26.
- 33 Сравнительный анализ особенностей развития системы образования в Казахстане и Кыргызстане // Вестник Кыргызского Национального Университета. Серия гуманитарных наук: история, археология, этнология. – 2007. – №6. – С. 70-76.

34 Источники по изучению социальной политики стран Центральной Азии (1991-2007 гг.) // Исторический источник: проблемы археографии и источниковедения: материалы республиканской научно-теоретической конференции. - Алматы: Қазақ Университеті, 2007. – С. 310-317.

35 Особенности социального реформирования в новых независимых государствах Центральной Азии в контексте модернизации // Отечественная и всемирная история в XXI веке: единство и своеобразие научных парадигм: материалы международных Бекмахановских чтений. – Алматы: Қазақ Университеті, 2007. – С. 201-205.

36 Особенности формирования и развития гражданского общества в Центральной Азии // Евразийское сообщество. – 2007. – №4. – С. 135-146.

37 Местные сообщества Центральной Азии: опыт мобилизации внутренних ресурсов // Федерация (Россия). – 2007. – №11. – С. 18-20.

38 Развитие системы образования в Республике Казахстан // Федерация (Россия). – 2007. – №12. – С. 44-46.

39 Традиции и специфика гендерных вопросов в Центральной Азии // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2008. – №1. – С. 198-204.

40 Особенности реформирования систем образования в Центральной Азии (на примере Казахстана и Узбекистана) // Евразийское сообщество. – 2008. – №1. – С. 78-89.

41 Идеалы европейской социал-демократии и социально-политические преобразования в постсоветской Центральной Азии // Казахстанско-германские отношения в системе международной интеграции и модернизации: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Алматы: Қазақ Университеті, 2008. – С. 278-286.

42 Становление новой политики образования в контексте десятилетия Астаны // Астана: триумф Казахстан и его лидера: материалы международной научно-теоретической конференции. – Алматы: Қазақ Университеті, 2008. – С. 89-93.

**ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ЖАҢА ТӘУЕЛСІЗ МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ
ӘЛЕУМЕТТІК САЯСАТЫ: САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ**

07.00.03 – Жалпы тарих (шығыс елдері) мамандығы бойынша тарих ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация авторефератының

ТҮЙІНІ

Қазіргі кезде жеке елдер мен аймақтардың әлеуметтік-экономикалық және саяси даму ерекшеліктерін талдау жалпы тарих бойынша зерттеудің ерекше объектісіне айналуда. Орталық Азия ежелгі өркениет аймағы болғанына, ал бұл территорияның халқы жалпы адамзаттың одан әрі дамуына айтарлықтай үлес қосқанына қарамастан, қазіргі атымен де, шекарасымен де тұрған аймақтағы мемлекеттер айтарлықтай жас, әрі аз зерттелген.

Зерттеу объектісі қазіргі Орталық Азияның әлеуметтік саясаты болып табылады.

Зерттеу нысаны Орталық Азиядағы жаңа тәуелсіз мемлекеттердің әлеуметтік саясатының қалыптасуы мен даму үрдісі, оның қызметі мен қоғамда жүзеге асу ерекшеліктері болып саналады.

Зерттеу мақсаты 1991-2007 жж. Орталық Азиядағы жаңа тәуелсіз мемлекеттердің әлеуметтік саясатының тарихи жағдайын, ұстанымдары мен ерекшеліктерін көрсету.

Зерттеудің хронологиялық шеңбері 1991-2007 жж. қамтиды, яғни Орталық Азиядағы жаңа тәуелсіз мемлекеттердің қалыптасуы мен даму кезені, республикалардың қазіргі әлеуметтік-саяси жағдайының шындығын толық көлемде зерттеу, нақты айтқанда XX ғ. екінші жартысында дамыған мемлекеттердің қалыптасуына әсер еткен әлеуметтік саясаттың және кеңес дәуіріндегі оның ерекшеліктері қарастырылған.

Зерттеудің методологиялық негізі тарихи үрдісті диалектикалық тұрғыда түсіну және оны диссертация тақырыбына сай қолдану болып табылады. Зерттеу барысында Орталық Азия мемлекеттерінің әлеуметтік-саяси қайта құрулары тарихын қарастыруда негізгі дүниетанымдық тірек болған историзм принципі, объективтілік, плюрализм сақталды.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы алғаш рет тарихи ғылымда Орталық Азия мемлекеттерінің әлеуметтік-саяси дамуына және әлеуметтік өзгерістерінің ерекшеліктеріне кешенді түрде зерттеу жүргізілді. Диссертацияда Орталық Азияның әлеуметтік даму мәселелері азаматтық қоғамның қалыптасуы, әлеуметтік әріптестік, бизнес пен гендерлік саясаттың қалыптасуындағы әлеуметтік жауапкершілік сияқты үрдістермен өзара байланыста қарастырылады.

Орталық Азия мемлекеттері үшін әлеуметтік саясат әлеуметтік шиеленісті болдырмаудың, әлеуметтік қақтығыстарды бейтараптандырудың маңызды құралы болып табылады, сонымен қатар қатынастарды әлеуметтік әділдік пен

ынтымақтастық рухында үйлестіруге жағдай жасайды. Әлеуметтік реформа стратегиясына салыстырмалы талдау жасау негізінде Орталық Азияның жаңа тәуелсіз мемлекеттеріндегі әлеуметтік реформалардың ерекшеліктері мен сипатындағы мәнді өзгерістері алынды, яғни бір бөлігінде (тезірек өткен) – Қырғызстан, Қазақстан және Тәжікстан, келесі бөлігінде – Өзбекстан және Түркіменстан.

Жұмыстың құрылымы алға қойған мақсат пен міндеттерге қол жеткізу логикасымен байланыста құрастырылды. Зерттеу кіріспе бөлімнен, бес бөлімнен, қорытындыдан, қолданылған деректердің тізімінен және қосымшалардан тұрады.

Зерттеудің теориялық және практикалық маңызы. Диссертациялық зерттеудің негізгі ережелері мен нәтижелері тарихшылар, аймақтанушылар, саясаттанушылар, әлеуметтанушылар, философтар сияқты мамандардың кең қауымының назарын аудартады. Диссертациялық жұмыстың материалдарын, оның негізгі ережелері мен нәтижелерін елдің әлеуметтік дамуының жалпы тұжырымдарын, Қазақстандағы азаматтық қоғам дамуының стратегиялық бағдарламаларын жасағанда қолдануға болады. Диссертация материалдары, негізгі қорытындылар мен ұсыныстар тарихты оқыту барысында және Орталық Азия елдерінің әлеуметтік даму және өтпелі дәуірдегі әлеуметтік саясат мәселесі туралы арнайы курстарда қолдануға болады.

Зерттеу нәтижелерінің сыннан өтуі. Диссертацияның негізгі нәтижелері мен қорытындылары автордың ғылыми жарияланымдарында мазмұндалып, 2001 ж. халықаралық және республикалық конференцияларда, және Жазғы университеттерде баяндалды. Диссертацияның негізгі нәтижелері мен қорытындылары әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Дүние жүзі тарихы кафедрасы мәжілісінде және ҚР БҒМ Р.Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институтының халықаралық қатынастардың кешенді мәселелер бөлімінде талқыланды. Диссертациялық жұмыстың бірқатар жобалары автордың 2006 жылы 9 ақпанда әл-Фараби атындағы ҚазҰУ ғылыми-техникалық Кеңесі мәжілісі шеңберінде өткізілген қысқы ғылыми сессиясында, сонымен бірге әл-Фараби атындағы ҚазҰУ тарих факультетіндегі жалпы және арнайы курстарды оқыту барысында сыннан өтті.

SUMMARY

of the thesis submitted for the scientific degree of doctor of historical sciences on speciality 07.00.03 – World History (Oriental Countries)

Zharkynbayeva Roza Seidalievna

SOCIAL POLICY OF THE NEW INDEPENDENT STATES OF CENTRAL ASIA: COMPARATIVE ANALYSIS

Nowadays interest about inter-country analysis of features of socio-economic and political development of the separate countries and regions is becoming the special object of research in World History. Although Central Asia – region of an ancient civilization, and people living within its territory, have made significant contribution to the further development of all mankind, the states of region in its present borders and under its current names are comparatively younger and are insufficiently investigated.

The object of research is the social policy in modern Central Asia.

The Subject of research is the process of formation and development of social policy of the new independent states of Central Asia, feature of its functioning and implementation in a society.

The purpose of the research is to reveal historical conditions, tendencies and peculiarities of development of social policies of the new independent states of Central Asia in the period of 1991-2007.

The chronological framework of the research covers 1991-2007, i.e. a period of formation and development of the new independent states of Central Asia, the in-depth study of a status of modern social-political realities of republics explains necessity of looking outside the above specified chronological frameworks, namely the research examines the historical aspects of the social politics which were developed in developed countries in the second half of XX century and peculiarities of social policy during the Soviet period.

Methodological basis of the research is the dialectic understanding of historical process and opportunity of its understanding in respect of subject of the dissertation. During research the principles of historicism, objectivity and pluralism were observed which are considered as basic world-view orientation for examination of a history of social-political transformations in the Central Asia states.

The scientific novelty of research is evidenced by the fact that for the first time in historical science the complex study of social-political development and features of social reformation in the states of Central Asia is carried out. In the dissertation the questions of social development in Central Asia are considered in interrelation with such processes, as formation of a civil society, realization of principles of social partnership, social responsibility of business and formation of Gender policy.

Social policy for the states of the Central Asia is the major tool of easing of social intensity, neutralization of social conflicts, promotes harmonization of relations in spirit of social justice and Solidarity. On the basis comparative analysis of strategy of social reforming essential distinctions in dynamics and character of social reforms in the new independent states of the Central Asia are revealed: on one pole (faster

transition) - Kyrgyzstan, Kazakhstan and Tajikistan, on other – Uzbekistan and Turkmenistan (gradual transition).

The structure and volume of work was dictated by logic of achievement of an object in view and tasks and consists of introduction, five sections, conclusion, list of the used sources and appendixes.

The theoretical and practical importance of research. The basic provisions and conclusions of this dissertation can be of interest for a wide range of the experts: the historians, regions' researchers, political scientists, sociologists, philosophers. The materials of this dissertation work, its basic provisions and conclusions can be used while preparing the complete concept of social development of the country, by working out of the strategic programs of Civil society development in Kazakhstan. The materials of the dissertation, basic conclusions and suggestions can be used for teaching of history and preparation of special courses on problems of social development of Central Asia countries and social policy of the transition period.

Approbation of results of research. The basic results and conclusions of the dissertation are stated in the scientific publications of the author, were reported since 2001 in the international and republican conferences and at Summer universities. The main results and conclusions of the dissertation were discussed at the meetings of World history department of the Kazakh National University named after al-Farabi and department of complex problems of the international relations of R.B. Suleimenov Institute Oriental Studies of the Republic Kazakhstan under the Ministry of Education and Science. A number of dissertation provisions were used in practice by author on winter scientific session organized within the framework of sessions of scientific and technical Council of Kazakh National University named after al-Farabi on February 9, 2006 and also during teaching of general and special courses at historical faculty of Kazakh National University named after al-Farabi.

ЖАРКЫНБАЕВА РОЗА СЕЙДАЛИЕВНА

**Социальная политика новых независимых государств
Центральной Азии: сравнительный анализ**

07.00.03 - Всеобщая история (восточные страны)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 01.08.2008 г. Формат бумаги 60x84 1/16.

Бумага "Multilaser". Печать – RISO.

Гарнитура "Таймс". Объем 2,5 п.л. Тираж 100 экз.

Заказ N 171. Обложка – Colorig.

Отпечатано в типографии "Эрекет-Print"

050036, Алматы, 12 мкр., д. 16, кв. 69

Тел. 221-84-55